

Если меня, выпучив глаза, пытаются напугать, описывая «ужасы» надрывными, «жуткими» голосами, я далеко не всегда пугаюсь. Но когда о начавшемся апокалипсисе спокойным, почти обыденным тоном рассказали в «Сорных травах» Наталья с Дмитрием, мне по-настоящему сделалось страшно. А поняв, что авторам удалось еще и удивить меня, я искренне восхитился их талантом.

В последнее время медицинская тематика в кино и литературе стала модной. Апокалипсис, собственно, тоже. Но объединить и подать эти темы именно так, как сделали это Шнейдер и Дзыговбродский, обыграв при этом весьма неожиданную идею, не удавалось пока никому. С ходу подчиняя внимание, сюжет «Сорных трав» без малейших шансов на сопротивление затягивает в бездну восторженного ужаса и не дает передышки до самой последней страницы.

Андрей Буторин

ISBN 978-5-905360-13-8

9 785905 360138

Наталья
ШНЕЙДЕР

Дмитрий
ДЗЫГОВБРОДСКИЙ

Сорные травы

18/8

Социодром-Ф

НАТАЛЬЯ ШНЕЙДЕР
ДМИТРИЙ ДЗЫГОВБРОДСКИЙ

СОРНЫЕ ТРАВЫ

На память
и счастье

Социодром-Ф

Наталья Шнейдер, Дмитрий Дзыговбродский

Сорные травы

Москва
«Фантаверсум»
2012

Содержание

Предисловие	3
Глава 1	5
Глава 2	37
Глава 3	60
Глава 4	90
Глава 5	121
Глава 6	152
Глава 7	190
Глава 8	218
Глава 9	258
Глава 10	296
Глава 11	324

Предисловие

«Давно не читал ничего столь же качественного!», «К середине я читала и периодически останавливалась отрыдаться...», «Роман захватил и не отпускал до последнего слова...» – говорили после первого знакомства с «Сорными травами» те, кто вместе со мной работал над подготовкой романа к публикации.

И я не удивлялась.

Хотя, если быть откровенной, первый раз я открывала рукопись с опаской. Апокалипсис – тема, порядком изъезженная и истоптанная многочисленными авторами. Да и не только авторами. В преддверии очередного конца света о нем говорят и пишут столько, что удивить и испугать кого-то уже сложно. Может, и хорошо, что страх у людей сменился равнодушием и усмешкой, а истерические вопли сдают позиции анекдотам и байкам. Но для писателей это – двойной вызов: все-таки удивить и напугать.

«Все лгут!» – безапелляционно заявлял доктор Хаус, диагностировал волчанку и, хромая, удалялся по больничному коридору. Да, сегодня будни медиков – тоже весьма популярная тема, которая также потеряла свою новизну, хотя и в меньшей степени. Ведь писать что романы, что сценарии тут не так-то просто – недостаточно только фантазировать, нужно и разбираться в материале.

«Сорные травы» – это роман о врачах в дни апокалипсиса. Это даже не двойной – тройной вызов мастерству авторов. Наталья и Дмитрий с блеском справились со сложнейшей задачей.

Медицинское образование и опыт работы Натальи, помноженные на кропотливое изучение «фактовки» обоими авторами, позволили описать быт морга и хирургического отделения больницы с достоверностью, которая присуща лучшим образчикам «производственных романов». Экономическое образование Дмитрия помогло

добавить миру объемности за счет моделирования коллапса современной рыночной цивилизации. Добавьте к этому, что оба автора не новички в литературном мире. Дмитрий публикуется с 2003 года, правда, до сих пор только в малой форме. У Натальи кроме многочисленных рассказов недавно вышел и первый роман «Двум смертям не бывать», отзывы читателей на который варьируются от положительных до восторженных.

Так о чем же эта книга? О медиках и конце света. О непростых отношениях порядком надоевших друг другу супругов. О маразме и беспомощности чиновников и героизме и подлости простых людей. О духовности, религии, цинизме и прагматизме...

В романе только одно допущение, которое позволяет отнести его к фантастике: разом гибнет пятая часть человечества. Но когда книга прочитана, допущение перестает казаться таким уж фантастическим. В описанный авторами мир не просто веришь – в него погружаешься с головой. Героям не просто сопереживаешь – начинаешь смотреть на все их глазами. А разгадка причины апокалипсиса в конце заставит поежиться и прожженных реалистов.

Я рада, что современные авторы не перестают писать книги, которые способны заставить читателей задуматься и, может, что-то изменить к лучшему в своей жизни и окружающем мире. Такие книги должны быть изданы. И прочитаны – теми, кто не бежит от реальности и не боится откровенно отвечать самому себе на непростые, неудобные вопросы.

*Анна Антонова
редактор*

**Авторы благодарят за неоценимую помощь в изучении
матчасти:**

**Алексея Аксенова,
Аркадия Курамшина.**

Глава I

«Ненавижу баб», – раз в пятый за утро подумал я.

Мысль вертелась в голове и так, и эдак – но никак не могла вырваться в материальный мир. Хватало еще воспитания, вбитого отцом, чтобы понимать – все твои нелады и противоречия с мирозданием нужно держать под черепной коробкой. Там им и тише, и уютнее. Да и окружающим спокойнее. Если уж решил ненавидеть кого-то, лучше начать с себя. Конструктивнее получится. И объект ненависти поближе будет.

Настроение было отвратительным – до тошноты, до желания разбить любое зеркало, попавшееся на глаза. Причин за пару лет набралось достаточно – они вообще имеют привычку скапливаться, как дерьмо в забившемся коллекторе.

Но, без сомнений, самая значительная и самая свежая причина такого настроения – прошедшая ночь. Удивительная, запоминающаяся, восхитительная ночь, когда я на дежурстве, по версии для жены. Ночь, когда я единственный и любимый для другой девушки – красивой и нежной. И то, что в эту самую минуту я находился рядом с ней в маленькой женской машинке, только подбрасывало дровишек в топку плохого настроения.

Парадокс?

Как по мне – нет.

Был бы отец жив, точно бы спросил:

– Сынок, а может, ты юридивый? Раз женщин ненавидишь.

Ты еще вериги нацепи да власяницу надень...

Он всегда умел сбить с ног словесным ударом. Я так и не научился парировать его выпады – умер отец намного раньше, чем во мне скопилось достаточно жизненной мудрости и цинизма для противоборства. Да и умер так, что меня до сих пор мучает

чувство вины. Привет из могилы, чтобы сынок нос не задираал. Так что такие внутренние диалоги для меня совсем не редкость. Привычка, скорее уж. Личный психотерапевт из загробного мира.

Может, меня так совесть пробирает? Вроде не мальчик – давно должен был от этого рудимента избавиться. Современный мир совесть не жалуется. Моральные метания, вы немного не ко двору в двадцать первом веке, добро пожаловать в очередь за динозаврами. В профессии хирурга лишние эмоции ценятся еще меньше. А все равно муторно на душе. И Машка вспоминается – знает о моих похождениях или нет. Скорее всего да – умная баба всегда в таких вопросах из себя дуру для мужа строит. До поры, до времени. А потом выставляет счет – от и до.

Дороге с нами явно было не по пути, она вырывалась из-под колес и таяла в зеркалах. Весенние улицы радовали глаз тусклой от городской пыли листвою деревьев, не убранной с зимы подснежным мусором, разбитыми и перевернутыми мусорными баками и толпами пешеходов, которые делятся на уже моих пациентов и еще нет. Время такое, мало кто избегает знакомства со скальпелем – болезни молодеют, патологии ширятся. Зато все без исключения пациенты – и мои бывшие, и мои будущие – к Машке попадут. Рано или поздно. «Дороги все до одной приводят сюда. В дом вечного сна...» – вспомнилась песня «Крематория».

Лена весело библикнула замешкавшему на светофоре джипу – тот рванул прочь, раздраженно взревывая двигателем перед маленькой и шустрой женской машинкой, – глянула иронично:

– Что закручинился, Иван-царевич? Аль беда какая стряслась?

И врать не хотелось, и правду не скажешь. Да что ж это такое сегодня со мной? С ясной и холодной ненавистью теперь уже исключительно к самому себе я нарочито бодро ответил:

– Вай, девушка-красавица, домой не хочу, на работу не хочу, к тебе хочу. Укради, да?

Ленка звонко рассмеялась – у нее это всегда получалось настолько заразительно, что у меня даже против воли улучшалось настроение. Еще когда мы вместе работали в больнице, я прибежал к ней после особо тяжелой операции, чтобы просто поболтать и выпить кофе. Хирургу страшнее всего не когда пальцы дрожат,

а когда нервы звенят как струны. Но сегодня ее улыбка не смогла, как обычно, выгнать меня из трясины самоедства и чисто русской тоски. Похоже, коллектор переполнен – как рванет, прячешься все. Я стоять останусь. Мой коллектор – чего бояться?

– Джигит просит, чтобы его дама украла?

– Времена такие. Самого джигита держат сто и один аркан – не вырвешься, не выберешься, не убежишь.

– Тогда украду – сам напросился, – улыбнулась Лена и напела чуть слышно: – Спрячь за высоким забором Ивана, выкраду вместе с забором...

Девушка вывернула через узкие улочки на параллельно идущий проспект. Еще два квартала и больница, где я работаю. А еще через три дома офис Лены – представительство очередной фармкомпания. Я остался в больнице – все же прикипел к отделению, которое еще моего отца помнит. А вот Лена, как настали тяжелые деньки для врачей, ушла. Платили в представительстве неплохо – Лена быстро обросла хорошей машиной, дорогой одеждой и, самое главное, уверенностью. И раньше симпатичная – она превратилась в настоящую красавицу. Некоторым женщинам, чтобы стать ослепительными, нужно немного – вера в себя, чуточку денег и желанный мужчина рядом. По словам Ленки, третий ингредиент – это именно я. Негодный выбор, как по мне, но сил не хватает об этом сказать.

Я, на мгновение обо всем забыв, залюбовался ею. Полные губы – чуть намечается форма сердечка, но именно что чуть. Не дотягивая до глянцево-журнального эталона, губы кажутся намного естественнее и красивее. Большие серо-зеленые глаза с пушистыми, длинными от природы ресницами. И дополняющий все это великолепие ироничный взгляд, как будто постоянно провоцирующий. На подвиги? На глупости? На откровенность? Длинные светлые волосы – от рождения светлые. Крашенные временные офисно-планктонные блондинки могут только позавидовать такой длине и такому цвету. Королева, которая уверена, что нашла своего короля. Жаль, король в этом не уверен. Да и какой я король – валет, не более. И даже не козырной.

И, смазывая впечатление, перед глазами встала Машка. Строгая прическа, темные густые волосы ухвачены в косу. Яркие

карие глаза смотрят то ли насмешливо, то ли обвиняющее – мол, что ж ты, козел, живую жену с любовницей сравниваешь. Даже губы, узковатые – но я помню, насколько нежные и теплые, – чуть изогнуты полузаметной усмешкой. Маша, Машка, Маруська, не отпускаешь ты меня.

И в очередной раз за утро я про себя отметил: «Ненавижу баб».

Каким-то женским чутьем Ленка заметила мой взгляд. Обернулась и подмигнула:

– Что так изучаешь внимательно?

– Любуюсь. И не верю.

Лена чуть притопила педаль газа, и машина вырвалась вперед из потока товаров за мгновение до красного света, прорвавшись на желтый сигнал светофора.

– А ты верь. Твоя. А ты мой – и даже не дергайся, не убежишь.

– И от бабушки ушел, и от дедушки ушел, – неловко пошутил я.

– А от такой симпатичной лисички, как я, не уйдешь.

– Не уйду, – согласился я, хотя уверенности не ощущал. Может, я все же Машку люблю? А бегаю по бабам от дури и скуки? Иначе почему так мутно в душе.

– Что, сынок, прыщавого подростка в себе так и не перерос? – сказал бы отец.

И, наверное, оказался бы прав.

Лена быстро наклонилась и чмокнула меня в щеку. Потом, глянув коротко на дорогу и не заметив в ближайшие метров двести каких-либо препятствий, посмотрела уже серьезно:

– Иван, я понимаю, что тебе тяжело все менять. Просто знай, я тебя люблю. И все будет хорошо...

Время, звонко щелкнув, как сломавшиеся часы, резко замедлило ход. Лена начала заваливаться на меня, я попытался ее подхватить, но так и замер, не дотянувшись совсем чуть-чуть. Не мог отвести взгляд от ее глаз – зрачки Лены мгновенно расплзлись темным пятном на всю радужку, утопив зеленый цвет в мрачной трясине. В этом было нечто настолько пугающее, что я все никак не мог протянуть руку. Самое страшное, что взгляд ее за

секунду стал пустым и бездонным, как след от упавшего камня в ряске пруда. Руки Лены безвольно соскользнули с рулевого колеса – машину резко начало заносить. Но не успел автомобиль развернуться перпендикулярно дороге, как удар сзади размазал меня по сиденью. Затылок основательно приложило о подголовник. Я еще успел краем глаза заметить, что впереди наперерез нам вылетает с перекрестка синяя иномарка, но тут время снова набрало ход с триумфальным грохотом и треском – и от нового удара я полетел головой вперед в лобовое стекло.

Щелк.

Боли не было. Показалось, что шея благополучно сложилась и ушла в плечи. Руки запоздало метнулись прикрыть голову, но только лишь не позволили лицом на излете треснуться о торпеду. Зазвенело в ушах, и на мгновение от хлесткого удара отнялись кисти рук.

Щелк.

Где-то рядом звонко хлопнуло рассыпающееся стекло. Взревел сигнал грузовика. Вслед ему пронзительно рывкнула сирена «скорой», но тут же замолкла. Донесся еще один аккорд столкновения.

Щелк.

Еще один удар – но более мягкий. Тело по инерции бросило влево – больно приложился плечом о руль. Донесся издали крик женщины. Еще несколько звучных ударов, но где-то совсем-совсем далеко.

И машина остановилась.

Я неуверенно вытянул руку, открыл дверь. Не верилось, что все кончилось. Вот только что – все?

Тело плохо слушалось, набитое по ощущениям ватой и по факту адреналином. Это только кажется, что с выплеском гормона ты превращаешься в терминатора. Скорее уж в Буратино, пока организм не поймет, что со всем этим допингом делать. Потом будешь бегать живчиком, но первые секунды – это всегда ступор.

В ушах ощутимо звенело, и зрение немного туманилось. Выбравшись, я пошатнулся и оперся о крышу автомобиля. Мутным взглядом окинул окрестности – и мне открылась картина такой

аварии, что голливудские режиссеры слюной бы захлебнулись от зависти. Русский масштаб и удаля.

За нами стояло штук семь разбитых машин – именно они и смягчили удар фуры. Дальние легковушки исковеркало так, что мне сразу стало понятно – выжившие там если и есть, то ненадолго. Из автомобилей уже повылезали люди и ошалело метались между ними. В сам грузовик крылом влетела «скорая». Водитель уже обладал дальноточностью трехэтажного, а врач с медсестрой деловито выковыривали кого-то из ближайшей разбитой машины. Синяя иномарка, которая и подставилась под нас, развернулась практически на сто восемьдесят, из нее никто пока не появился. Стоило бы пойти глянуть, выжил ли там кто, но меня больше сейчас волновало – что с Леной. Тяжелое предчувствие сжало горло ледяным хватом – вспомнились расширенные зрачки. Гадкий признак, ой, гадкий. Мысленно обругав себя за слабость, я на подгибающихся ногах обошел автомобиль и открыл дверь.

Лена с разбитым лицом лежала на руле. Открытые глаза смотрели в мою сторону слепо и бездумно. Уже по внешнему виду стало ясно, что проверять незачем. Но все же во мне сработали условные рефлексы врача. Я попытался прощупать пульс – ничего. Прикрыл ее глаза ладонью и резко убрал руку – реакции на свет тоже не было.

С каким-то накачивающим ужасом – не хотелось верить, что она вот так просто умерла, – провел ладонью по своему лбу и почувствовал маслянистую влагу. Глянул – багряный след на руке.

И пришел в себя. Резко и сразу. Как будто собственная кровь убедила в реальности происходящего.

Уже уверенно и четко вытащил Лену на асфальт, внимательно осмотрел. Переломов нет, череп вроде в порядке, шея не сломана, чуть разбито лицо, но именно что чуть.

Мертва. Абсолютно. Точно.

В груди полыхнула давно не испытываемая злость. Привык уже по работе, что люди умирают. А вот оказывается, к смерти знакомого – близкого? – человека оказался совсем не готов.

Издавека, похоже, что с параллельной улицы, раздавался звук взрыва. Завыли сирены пожарных. Что ж за херня творится?

Еще раз для уверенности прощупал сонную артерию Лены. Ноль.

Глянул на часы – по ощущениям прошло не более двух-трех минут с момента аварии. Ощущения не соврали. А значит, шанс еще есть. Примерился и как по учебнику дважды четко ударил кулаком в прекардиальную область.

Проверил пульс.

Ничего.

Сложил ладони на груди Лены и резко провел тридцать компрессий – Пал Палыч из академии точно бы четверку поставил, если бы увидел своего ученика. Пятерок Палыч принципиально не признавал, мол, лучшая пятерка – оживший пациент.

Я на мгновение закрыл глаза, внутренне собрался и начал делать Лене искусственное дыхание.

Тридцать компрессий, два вдоха, тридцать компрессий, два вдоха...

Проверить пульс.

Ноль.

Прервался и быстро набрал «скорую». Линия ответила короткими гудками.

И снова. Тридцать компрессий, два вдоха...

Проверка.

Тридцать компрессий, два вдоха.

Снова попробовал набрать «скорую» – тот же нулевой результат.

И снова три десятка компрессий, два вдоха.

Наконец я резко отстранился.

Дальше не было смысла продолжать. Это только в американских фильмах главный герой реанимирует-реанимирует героиню – а она открывает удивленные глазки минут через двадцать и романтично обнимает спасителя. В реальности все немного быстрее заканчивается. Пятнадцать минут – гарантированная смерть мозга. Десять минут – с большой вероятностью потерпевший получит диэнцефальные нарушения на всю оставшуюся жизнь. То есть главная героиня очнется в лучшем случае доброй и

послушной идиоткой – хотя, исходя из голливудских стандартов, главный герой только рад будет.

В руководствах пишут, что надо держать умирающего на не-прямом массаже до приезда «скорой», мол, всегда остается шанс. Но прошло уже больше двадцати минут, а «скорую» у меня вызвать так и не получилось. Судя по тому, что творилось вокруг, помощи я не дождусь.

Я отработал все мероприятия четко. Пора прекращать.

Устало присел рядом. Дико захотелось пить. Нет, алкоголь точно не годился. Вот бы чего-то холодного, шипучего, чтоб прям в нос ударило. Отвлекло. В горле саднило – видно, перестарался при искусственном дыхании.

– Прости, Лен... Плохой из меня Иван-царевич получился.

Я ладонью прикрыл ей глаза, поднял на руки и аккуратно усадил в машину – незачем на грязной дороге лежать. Не смотрелась Лена на асфальте. Никак. Рукавом протер ей лицо, хоть немного убрал кровь – только под носом чуть-чуть запеклось.

Самое противное – не было ощущения потери. А от этого становилось особенно тошно.

Что-то ведь между нами происходило?

Должно же быть мне, черт возьми, больно?

Или я совсем уже профессионально деформировался?

Ни сожаления, ни горя, как будто парализовало все чувства. Я застыл рядом с машиной – задумался, что делать. Надо бы позвонить, предупредить родных, сообщить об аварии. Но тут я понял, что ни имен ее родителей, ни их адреса, даже номера не знаю. Растерянно сунулся в машину – найти телефон Лены или сумочку.

Но тут заорал мой мобильный.

– Иван, в больницу. Срочно, – сухо сказал Олег Данилович, наш главврач.

– Не могу, – просилел я в трубку, откашлялся и продолжил: – Я тут в аварию попал. Куча машин побилась. Знакомая погибла. Я не...

– У нас хуже, – прервал меня Олег Данилович. – На работу. Быстро. И сразу ко мне.

В следующее мгновение он отключился, не дав мне возможности даже согласиться, не говоря уж об обратном. Возражения не принимаются. Жив ли, мертв ли – будь на месте. Это тебе не в офисе штаны просиживать и в экселе таблички набивать. Когда на тебе ответственность за жизни и здоровье людей, сантименты неуместны.

В этом был весь Олег Данилович – близкий друг отца, в какой-то степени его мне заменивший. Даже то, что я в тридцать три стал заведующим хирургическим отделением, в большей мере его подарок. Не мне. Моему отцу. Как потом мне рассказал Олег Данилович, папа сам его попросил. Я тогда, вконец разругавшись с родителем – нашла коса на камень, – решил отправиться в армию прямо со второго курса медицинской академии, блистательно завалив зимнюю сессию. Не знал я тогда, совсем не знал, что Корнилову-старшему оставался всего лишь год – с диагнозом «плоскоклеточный рак легких» долго не живут. Но отец все равно перед смертью позаботился о близких людях, насколько успел. Олега Даниловича устроил на свое место главврача, непонятно каким образом протаскив его на эту должность, минуя бюрократию Минздрава – какой смысл до последнего верховодить в больнице, если последние песчинки в часах уже летели вниз. Вот только условие поставил или попросил – кто разберет их отношения, – что если я возьмусь за ум и после армии все же выберу стезю врача, то Олег Данилович устроит меня в больницу и не мытьем, так катаньем сделает хорошим хирургом. Как отец. А потом, если достойным сынуля окажется, отделение хирургическое передаст. То, в котором глава семьи начинал, а потом и долгое время заведовал.

Ох, и поиздевался надо мной дядя Олег, поизмывался всласть. И ночные дежурства чуть ли не в два раза чаще, чем другим, – хотя в этом и было немалое благо, неплохие деньги выходили. И выволочки при всех в коридоре да на планерках, а не в тиши да неге кабинета. И выговоры административные за малейшие проколы. И частое ассистирование на операциях, даже когда после ночной смены ничего не соображаешь.

Но все же выковал скальпель себе под руку – так, чтобы доверять можно было, как своему старому другу. Сделал из меня того,

кем бы хотел видеть отец – во всяком случае, я на это надеюсь. И нисколько не жалею, что пришлось все это вытерпеть. Это мое искупление за то, что папа умер, когда я служил в армии – даже на его похороны не попал. Мне теперь всю жизнь искупать – стать если и не лучшим, чем отец, то хотя бы не худшим врачом. Жаль, что таким же человеком-глыбой быть не получается. У Корнилова-старшего точно не было бы этой дурацкой беготни по бабам. Он любил работу, а женщин просто терпел рядом.

До больницы оставалось совсем недалеко. Даже верхние этажи здания уже виднелись. В обычное время я бы прошагал это расстояние минут за десять-одиннадцать. Но сегодня пролетел за пять – выдать, адреналинчик действовать начал. Еще подумалось, что надо будет потом зайти к коллегам в неврологическое отделение, чтобы глянули на предмет сотрясения. Вроде бы и голова не кружится, не тошнит, не водит – а ссадина на башке изрядная, до сих пор немного кровит. Знаю по опыту да по рассказам знакомых нейрохирургов, насколько коварны такие удары – бегает человек еще дня три, а потом шлеп на пол, и готов. Кровушка внутри накопилась по-тихому, придавила какую-то зону мозга – и вперед к патану. Не смешно будет, если я к Машке попаду. Но потом, все потом...

По пути попробовал дозвониться до общих с Леной знакомых, чтобы подсказали, как связаться с родителями. Но никто трубку не брал. Пару раз вообще мелодичный голос сообщил, что сеть перегружена. Уже перед входом в больницу вспомнил о Машке, набрал ее номер. Но жена отбила вызов чуть ли не сразу – злая, наверно. Может, даже и догадывается, какие у меня дежурства бывают. Да и пусть догадывается – меня тоже все достало.

Привычно вместо парадного входа рванул через приемник терапии. А там творился форменный бедлам. На полу лежали с десяток человек. Причем их позы намекали, что жизнь в телах если и теплится, то едва-едва. Вокруг бегали, несомненно, родственники. Из общего гомона можно было понять, что обеспокоенные близкие требуют, чтобы немедленно да сей же час к ним спустились реаниматологи, кардиологи, да и сам главврач заодно. Больше всего надрывалась полная, богато, но безвкусно одетая

тетка: и «скорая» – сволочи, потому что не дозвонишься, и тут преступники, потому что помощь не оказывают, а она сама мужа перла целый квартал. У тишайшей Елены Ивановны – бессменного врача приемного отделения – щеки уже алели сердечным румянцем, а шея напряглась жгутами жил. Кажется, сейчас будет взрыв – тогда родственники позавидуют тихо лежащим на полу. Тут появились четверо санитаров – и споро утащили два тела. С ними, позабыв про требования, рванула чуть ли не половина митингующих: одни – охраняя унесенных санитарями, другие – требуя, чтобы немедленно занялись их пострадавшими.

Воспользовавшись временным затишьем, я пробрался к двери ординаторской.

– Елена Ивановна, что за бедлам происходит?

– Ой, батюшки, – всплеснула руками женщина, – с вами-то что, Иван Игоревич? У вас кровь идет!

– Уже почти нет, – мрачно пошутил я. – Вся закончилась. Что в больнице творится? Мне Олег Данилович звонил – сказал, проблемы.

– Да не проблемы, а черт-те что. Олег Данилович всех заведующих собирает у себя. Мне сказал, чтобы сразу направляла к нему, если кого увижу.

– А кратко? Что стряслось?

Елена Ивановна наклонилась поближе к окошку и тихо прошептала:

– Иван Игоревич, у нас больше сотни смертей за последний час. Только в больнице. И еще все время несут в приемный покой людей с улицы.

Видимо, выражение лица у меня оказалось соответствующим. Женщина поджала губы, горестно всплеснула руками и так же тихо продолжила:

– И не только пациенты. Еще несколько врачей и сестер. Моя напарница Алевтина Федоровна – царствие ей небесное – так и осталась в сестринской сидеть. Как присела передохнуть, так и отошла.

У меня резко заколотилось сердце. Губы пересохли – вот уж не думал, что такотреагирую. Казалось бы, ко всему привык. Что ж сегодня за день такой? Но постарался успокоить женщину:

– Не беспокойтесь, Елена Ивановна. Сейчас схожу к Олегу Даниловичу и все выясню. Думаю, после собрания станет известно, что происходит.

Более не задерживаясь, я рванул в свое отделение. Меня встретила перепуганная старшая медсестра.

С порога я рявкнул:

– Сколько?

– Восемь, – поняла она с одного слова.

– Кого-нибудь вытащили?

Сестра мотнула головой и разрыдалась.

– Ну, тихо, тихо, – сбавил я тон. Не люблю женские слезы, особенно если женщина мне в матери годится. Сам виноват – у нее пациенты мрут, а тут еще я ору. – Наши все живы?

– Да-а, – всхлипывая, ответила старшая. – А в терапии Анечка из манипульки умерла-а-а...

Жаль девушку – я эту медсестру помнил. Совсем молоденькая, только из медучилища, стройненькая, как березка, – и такая же светлая по характеру. Завтрапии нарадоваться на нее не могла – всем поможет, все успеет. И вот тебе...

Чувствуя, что дело приближается к полноценной истерике, я снова перевел голос в командную тональность:

– Валентина Матвеевна, прекратите. Вы на работе. Позаботьтесь об умерших – для начала перенести их в одну палату, оградите от прочих пациентов, сообщите в морг. Да, и все истории мне на стол – буду разбираться.

Уже на бегу:

– И дайте мне бинт, смоченный в спирте, – надо хоть кровь вытереть. Неудобно с разбитой головой к Олегу Даниловичу являться.

Заскочив в ординаторскую – ни одного врача, все куда-то запропастились, – сбросил куртку. Тут и сестра подоспела с бутылочкой спирта, шариком ваты и сложенным бинтом. Я, как мог, оттер кровь со лба – вроде больше не сочтется. Из волос выдирать застывшие темные комки не стал – времени нет. Надеюсь, в моей темной шевелюре и видны не будут, но на всякий случай прикрыл колаком. Посмотрел на себя в зеркало – морда офигевшая, глаза дикие. Странно, что внутри абсолютное спокойствие. А по делу-

то можно и паниковать – столько смертей. На ходу застегивая халат, поспешил на второй этаж, в администрацию.

Там тоже бегали, но не кричали. Шепотом переговаривались и делали страшные глаза. Перед самым кабинетом Олега Даниловича на светлом ламинате лежало тело, укрытое простыней. Краешек немного сдвинулся – виднелась рука с ярко-красным маникюром и длинными аристократическими пальцами. Я медленно подошел к простыне, откинул ткань с лица. Так и думал – секретарь шефа Алина. Сколько ей было? Двадцать семь? Двадцать девять? Еще вчера мы сидели все вместе – Алина, я и заведления кардиологии Натаныч – в кафе при больнице и весело болтали, делились планами на лето. И вот теперь у нее нет никаких планов, нет лета – нет ничего. И выражение лица спокойное-спокойное, как будто задремала на минутку. Странно видеть ее такой – энергичную, смешливую, деловую Алинку. Аккуратно прикрыл лицо белой тканью и встал. Еле слышный скрип двери заставил меня вздрогнуть. Резко обернувшись, я увидел шефа. Олег Данилович, близоруко жуясь, смотрел на тело.

– Такая молодая, Ваня, правда?

– Молодая, – эхом повторил я. – Олег Данилович, что происходит?

– Заходи, Иван, советовать будем. Мне как раз из Минздрава звонок пришел. Быстро тунейдцы отреагировали. Мы тебя только ждали да Игоря Натановича. Но Натаныч... уже не придет.

– Игорь тоже? – пробормотал я ошарашенно.

– Да. Нашли в ординаторской за столом минут десять назад, – шеф махнул приглашающе рукой. – Заходи.

В кабинете собрался весь цвет больницы – и не только заведующие, но и наиболее опытные врачи. Я даже одного из своих заприметил – Сергей Валентинович Луканов, как обычно, проигнорировал мое приветствие, только щеки надул. До сих пор простить не может, что сопляка заведующим поставили в обход него. Хотя, поговаривают в отделении, неприязнь издавала идет – Луканов еще с отцом что-то никак поделить не мог. Олег Данилович сделал хороший подарок старожилу – поставил над ним сына старого недруга. Видать, было за что осадить Сергея Ва-

лентиневича. Но сегодня тот сидел рядом с шефом – в чем бы ни заключались разногласия, но опыт остается опытом. И сейчас он более всего нужен.

Главврач не спеша прошелся по светлой комнате, уставленной стеклянными статуэтками да рамочками с дипломами, взглянул в окно и только после этого задал вопрос:

– Ваши мысли, коллеги?

На удивление, никто не стал никого перебивать. Вообще тишина стояла такая, как будто в школе учительница написала на доске архисложную задачу, да вот как решать, никто не знает – и потому весь класс стыдливо молчит, чтобы не позориться.

Александр Викторович, опытный инфекционист, тихо предположил:

– Эпидемия? Тропическая лихорадка?

– Тогда уж легочная чума, – мрачно пошутил шеф. – Не развивается все так быстро. И симптомов нет, насколько я знаю. Никаких.

Видимо, на меня так удар головой подействовал, что я полез на баррикады:

– Я видел... Перед смертью резко расширяются зрачки. И больше ничего.

– Любопытно, – прищурился шеф. – Что предполагаешь?

– Ну... Если исключить отравление атропином, а его исключаем сразу – столько отравы негде сейчас взять, то... похоже на смерть коры мозга.

– Массовая? «Дом-2» пересмотрели? – ехидно поинтересовался Сергей Валентинович. Видно было, что он получает непередаваемый кайф, осаживая молодого выскочку.

– Я... – на мгновение перехватило горло, но я продолжил: – Я видел эти проявления вблизи. Умерла молодая женщина. Без патологий. В последнее время не жаловалась ни на боли, ни на слабость, ни на температуру.

И, бросаясь в омут с головой, продолжил:

– Я был с ней последние сутки – никаких тревожных симптомов не заметил. Ни вчера, ни ночью, ни в последние минуты перед смертью.

Олег Данилович тревожно глянул на меня:

– Маша?
– Нет... – Я запнулся. Блин, оказывается, и мне бывает стыдно. – Другая женщина.

Луканов демонстративно прокашлялся и отметил:

– В наше время...

– Яблоки были слаще, а сливы больше, – оборвал его шеф. – Мы не на собрании комсомола, Сергей Валентинович. Пока что, как ни удивительно, только Иван Игоревич может хоть что-то сказать о симптоматике и развитии... этой... хвори.

– Точно хворь? – спросил заведующий терапии. – Может, токсикологи что скажут. Вода там или выброс какой?

– По всей стране? – вкрадчиво спросил Олег Данилович.

Тут уже подскочили почти все.

– Стране? – ошарашенно переспросил терапевт.

Ни слова не говоря, Олег Данилович щелкнул пультом управления – засветилась панель телевизора на стене. На первом же канале экстренные новости. Звук шеф не включил. Но картинка говорила сама за себя: пылающие обломки самолета. Другой канал: снова новости – Москва, Садовое кольцо, длинная пробка, между машинами бегут люди, вдалеке поднимается столб черного дыма. Мигнул экран – следующий канал: замедленная съемка. Концерт? Мюзикл? На возвышении хор – падают люди со ступеней, коллеги пытаются поддержать. Ниже бегущая строка с количеством погибших. Еще один канал – эмблема ВВС: бегут полицейские в непривычной форме, на улицах лежат люди. Крупным планом показано лицо девушки – щека вдавилась в асфальт, рот приоткрыт, пустые глаза.

Я еще успел заметить огромные зрачки – на всю радужку. Как у Лены.

– Минимум стране, – подтвердил шеф. – Мне из Минздрава звонили. Официальная версия – новый вирус гриппа, высоковирулентный¹, с геморрагическими² осложнениями.

1 Вирулентность (от лат. *virulentus* – ядовитый) – сумма свойств микроорганизма, определяющая его болезнетворное действие.

2 Геморрагия (греч. *haimorrhagia* – кровотечение) – истечение крови из сосудов при нарушении целостности, проницаемости их стенок (кровотечение, кровоизлияние).

– Чушь, – вмешался инфекционист. – Уж геморрагии мы бы сразу заметили. Да и вирус не бывает совсем без симптомов. Опять этот горе-финансист крутит министерством как хочет – кто такого дурака поставил командовать здравоохранением.

– Известно кто, – пробурчал Луканов, – и известно за что. Будет у тебя жена дочерью Самого, и ты взлетишь. Но к медицине его заслуги отношения не имеют.

– Чушь, не чушь, а такова будет официальная позиция, меня знакомый уже предупредил – так что гласно будем повторять эту сказку для обывателей. Но в работе ориентироваться на здравый смысл, – заметил Олег Данилович. – Еще версии есть?

Ответом ему была кладбищенская тишина. Даже стало слышно, как за сплошными стеклопакетами окон шумит перепуганный народ на улицах.

– Тогда за работу. Живых проверить, контактировавших изолировать, умерших – в морг, персоналу инструктаж, палаты обработать тщательно, всем маски... Так, ничего не забыл? – Шеф с хрустом сломал карандаш и продолжил: – И молчать! Ясно? Все гипотезы мне, все версии сюда. Для прочих любопытствующих – грипп. Не хватало еще, чтобы журналисты какую-нибудь вавилонскую чуму придумали.

Кто-то еле слышно застонал – видимо, представил, что напишут акулы пера, когда сообразят, насколько все жарено да остро. А там покоя врачам не будет – ни от пациентов, ни от родных, ни от знакомых. Еще ипохондрики, как стадо леммингов, набегут – и ладно бы только поликлиники осаждали, так они же сразу за лечением примчатся, невротики бешеные.

Все потихоньку начали расползаться.

– Александр Викторович, Иван, останьтесь!

Луканов недовольно обернулся, хотел что-то сказать, но, поймав злой взгляд шефа, промолчал. Логично – не время выяснять, у кого стаж длиннее да толще.

Шеф усмехнулся:

– Я прям как папаша Мюллер.

Александр Викторович, инфекционист, удивленно посмотрел на него.

– Ну, – пояснил Олег Данилович, – «а вас, Штирлиц, я попрошу остаться». Что, совсем склероз замучил, Саша?

Тот махнул рукой и присел на стул. Я же решил постоять – мне еще сегодня дохрена сидеть придется, эпикризы смертные катать.

– Итак, Саш, а теперь спокойно мне объясни, почему чушь, – попросил Олег Данилович. – Я все же хирург бывший, меня ваши тонкости инфекционные не интересовали еще с академии.

– Да просто все, – вяло ответил Александр Викторович. – Тебе как, по-научному или как простому обывателю?

– Хм, знаешь, а давай-ка по-простому. Мне мэр звонил – просил, чтобы я ему объяснил, как разберусь. Вот и поможешь мне собрать версию для чиновников, чтобы они хоть что-то поняли.

– Ну тогда... Вспомни азы. Сколько сейчас известно вирусных кирпичиков? Шестнадцать типов гемагглютинина и девять типов нейраминидазы³. И практически все комбинации известны, их возможная вирулентность и патогенность тоже. Помнишь, как все срались от «аш один эн один»⁴, хотя я тогда еще говорил, что новой «испанки» не будет?

– Да это понятно. Пятеро чихнули – полстраны обосралось, – поморщился шеф. – А сейчас ты почему отмечаешь возможность?

– Да потому, – пожал плечами инфекционист и тяжело вздохнул. – Не складывается. Новые комбинации вируса нам передаются по большей части от поросят да птичек. Самый па-

3 Гемагглютинин – полипептид, назван так благодаря способности гемолизировать эритроциты. Он обеспечивает прикрепление вируса к клетке. Нейраминидаза – гликопротеидный комплекс, который определяет ферментативную активность, отвечает за способность вирусной частицы проникать в клетку хозяина и выходить из нее после размножения. Гемагглютинин и нейраминидаза являются факторами агрессии вируса гриппа.

4 H1N1 – подтип вируса гриппа А (наиболее распространенный тип гриппа, который вызывает наиболее масштабные эпидемии), может вызвать заболевание как у людей, так и у многих животных. Впервые он был открыт в 1931 году американским ученым Ричардом Шоупом. Штамм А (H1N1 «Калифорния 04/2009») в 2009 году стал известен под названием «свиной грипп»

тогенный, насколько я помню, был «аш пять эн один»⁵. Тогда смертность скакнула до тридцати процентов. А сейчас сколько? Явно выше, и намного. Но вирулентность тогда была низкая – так и задавили эту гадость карантинном. Птичьи штаммы плохо передаются от человека к человеку – они привычны к высокой температуре крылатых. А у нас в носоглотке и крови им как в Антарктиде – холодно, противно и жрать нечего. Вот и получается, что наиболее опасные варианты вирусов плохо передаются. А вот свиные штаммы передаются хорошо, но особой угрозы от них нет – так, почихать да посопливить с фебрильной температурой. А у нас сейчас что? Куча трупов без предшествующих симптомов и бешеное распространение. Не вяжется...

– Уверен?

– Хочешь, знакомым в Институт вирусологии позвоню? Гарантирую, они то же самое скажут. Ну не верю я в летающих свиней. – Тут Александр Викторович помолчал и нехотя продолжил: – Мне показалось, что exitus letalis⁶ у всех наступил почти одновременно. Ересь, конечно. Не бывает так... Но так показалось. Если все же не показалось, тогда это точно не вирус. Что угодно, но не он.

– Ясно. Иван, а ты что добавишь... о твоей знакомой?

Я пожал плечами:

– Да практически все и сказал. Лихорадки не заметил. – Перед Олегом Даниловичем я темнить не стал, ну есть любовница, точнее, была. – Респираторных явлений, диспептических симптомов не наблюдалось. Кожные покровы чистые, насколько я помню. Блин, да вообще никаких симптомов, даже голос не менялся, горло не болело – я бы знал.

– Ясно, – повторил шеф, – что совсем ничего не ясно. Хорошо, коллеги, за работу. А я позвоню одному человечку в верхах –

5 H5N1 – высокопатогенный «птичий грипп». С 2007 года заболевание, вызываемое этим штаммом, приспособленным к птицам, стало широко известно под названием «птичий грипп». Один из штаммов HPAI A(H5N1) распространяется по всему миру после первого появления в Азии. Чаще всего упоминания о «птичьей гриппе», и H5N1 относятся именно к этому штамму.

6 Смертельный исход (лат.).

может, он чуть больше скажет. И ты, Саша, своим ученикам позвони в институт – пусть поделятся сомнениями.

– Позвоню, – кивнул Александр Викторович.

Мы с инфекционистом вышли из кабинета и синхронно глянули друг на друга.

– Ваня, у тебя все живы? – как-то потерянно спросил Александр Викторович.

– Не знаю. Не смог до жены дозвониться. А больше никого и нет.

– Счастливый ты, – невнятно сказал коллега и, ссутулившись, пошел по коридору.

Я с минуту стоял в приемной шефа, тупо уставившись на белую простыню поверх Алины. Бывают такие моменты, когда дел настолько много, что просто не знаешь, за какое браться. Отделение? Машка? Сообщить родителям Лены? Обзвонить немногочисленных друзей?

Так и не определившись, я поднялся в отделение. Родной этаж заполняли испуганный шепот да топот медсестер. Двери палат были по большей части приоткрыты – оттуда выглядывали встревоженные пациенты. Их уже успели разогнать, чтобы под ногами не путались.

Около сестринского поста меня встретила еще более перепуганная старшая медсестра:

– Иван Игоревич, у нас...

За ее спиной маячили двое громил. Очень характерного вида. Похожих амбалов я встречал, когда на «скорой» подрабатывал – если вызов на «огнестрел». Часто рядом с подраненным «пацаном» такие вот «корешки» крутятся. Первого амбала я мысленно окрестил Лысым: голова, что колено, полностью оправдывала такое прозвище. Второй – типичный Бычара: мало того что смотрел исподлобья, так и еще и чего-то жевал, активно двигая челюстями. Наряды как будто у гробовщиков отобрали в Америке девятнадцатого века – черные костюмы, черные рубашки, серые галстуки. Жалко, что не негры – вообще бы колоритно смотрелись. Опа! Лысый красноречиво помахал передо мной пистолетом.

– Это врач? – угрожающе спросил у медсестры Бычара.

– Бери выше, – любезно ответил я. – Заведующий этим отделением.

Опустив руку в карман, я незаметно сквозь ткань нащупал Spyderco Civilian – керамбит висел, как обычно, на поясе брюк. Жаль, что до него через застегнутый халат не добраться. А эти громилы явно занервничают, если я им тут стриптиз начну показывать. Ничего, в крайнем случае как-нибудь да достану. Дурь это, конечно, с ножом на короткоствол идти. Но хоть что-то.

– Резать умеешь? – спросил Лысый.

– И не только. В чем дело-то?

Он ткнул пальцем в сторону дивана, стоящего рядом с сестринским постом.

– Если не поможешь, голову прострелю – и тебе, и ей, – он указал на Валентину Матвеевну. Старшая схватилась за сердце и побледнела.

– Будешь угрожать, ни хрена не добьешься, – зло ответил я, направляясь к дивану. На нем явно без сознания лежала эффектно и богато одетая девушка. Красивой я бы ее не назвал – проступала в выражении лица, пусть даже расслабленного, какая-то испорченность. Но это не важно – пациентов мы не выбираем. – Что с ней?

– В аварию попала, – хрипло сказал Бычара. – Какой-то мудака в нее въехал. Мы его вытащили из машины пристрелить, а он, сука, уже сдох. Со страха, наверное, когда понял, в кого въехал.

– Когда сознание потеряла?

– Да мы уже из машины ее такой достали.

– В себя приходила?

– Нет, – ответил Лысый.

– Когда авария была?

– Двадцать три минуты назад, – по-военному четко отрапортовал Лысый, глянув на часы. – Доктор, спаси девку. Вижу, херово ей. У меня кореш таким же бледным был, когда ему маслину в брюхо засадили.

Я быстро осмотрел девушку. То, что ей плохо, видно и так. Зеленоватая бледность и круги под глазами к признакам хорошего здоровья не относятся. Дыхание поверхностное и быстрое, пульс здорово частит, брюшная стенка напряжена. Синяки на

груди и животе уже налились темным. Чуть перевернул набок – сразу же бросилась в глаза припухлость на пояснице. Ясно – и хреново. Кажется, почка.

– Валентина Матвеевна, свяжитесь с оперблоком, срочно нужна операционная. Похоже, тут внутреннее кровотечение. Подозреваю разрыв почки. Кровь на полный анализ, группу, гематокрит⁷. Время свертывания, время кровотечения, протромбин, фибриноген⁸. И найдите мне ассистента.

– Иван Игоревич, так ведь никого нет.

– Совсем?

– Олег Федорович и Диана в операционной, с утра не выходили. По плану им еще минут сорок работать. Сергей Леонидович не мог связаться с дочерью – побежал в ее школу.

– А Луканов?

– Сбежал он, – медсестра брезгливо поджала губы. – Как эти вломились с требованием врача, так он по второй лестнице убе.

– Мудак, – холодно констатировал я. – Интерны в отделении?

– Только двое – остальные тоже ушли домой.

– Зови, пусть опыта набираются.

Зазвонил телефон: Машка. Живая. Уже легче. Но как же не вовремя. Я коротко рывкнул в трубку – на разговоры времени не было – и рванул в сторону операционной.

– Анализы cito⁹, и больную в оперблок!

Через двадцать минут я уже стоял в белом бестеневом свете операционной лампы. Врут те, кто говорит, будто в оперзале пахнет одними антисептиками. Этот запах не описать несколькими словами, как несколькими нотами не сыграть полифоническую фугу. Он почти неуловим, но привычен любому хирургу. Если бы у меня попросили свободными ассоциациями описать его, первым словом назвал бы «страдания». И не важно, что сознание одурманено наркозом, – телу все равно больно и страшно.

⁷ Гематокрит – отношение объема эритроцитов крови к объему плазмы, выражается в процентах.

⁸ Факторы свертывания крови.

⁹ Cito – срочно (*лат.*).

Девушка лежала на столе совсем бледная – как будто прозрачная. Признаки раздраженной брюшины усилились – так что я правильно угадал. Артериальное давление ниже восьмидесяти – капельница заливала препараты, но эффекта пока не было. Пульс скакал от сотни до ста двадцати.

Парень-интерн бодро отчитался по результатам экспресс-анализа – вторая минус, полный анализ в норме – пока еще в норме, скорее всего гемоглобин вниз пойдет. Свертываемость низкая в сочетании со странными значениями фибриногена и протромбина¹⁰. Первое хорошо – всегда проблема с экзотическими группами крови вроде четверки. А вот последнее непонятно – вроде здоровая по виду деваха, ну, не считая аварии. Тромбоциты в норме. Так почему же такой низкий показатель свертываемости? Но ладно, будем работать с тем, что есть.

Анестезиолог пошаманил – по-другому их работу и не назовешь, все по чутью, прикидкам да головоломным формулам, которые больше на магию похожи, чем на науку. Слишком уж индивидуальные организмы у пациентов – что одному на чих, то другому на вынос вперед ногами. Врач посмотрел на меня и развел руками:

– Иван Игоревич, готова. Похоже, что наркоз приняла нормально, но затягивать бы не советовал – слишком слаба.

– Тогда приступаю. Спасибо.

Срединная лапаротомия. Извини, милая, заживает такой разрез дольше, шрам видный останется, да вот выбора у меня нет. Надо сразу получить доступ ко всем твоим внутренним органам – кто его знает, что у тебя там творится, откуда кровь хлещет. Сейчас не до красот и хирургического выпендрежа. Если просто разрыв селезенки, то еще ничего. А если разрыв в почке или глубокое ранение печени – тогда ой, хоть ты и без сознания, но молись.

¹⁰ Фибриноген (от фибрин и ...ген) – растворимый белок плазмы крови, относящийся к группе глобулинов; фактор I свертывания крови.

Протромбин (от лат. *pro* – раньше, перед, вместо и ...тромбин) – белок плазмы крови человека и животных, важнейший компонент системы свертывания крови.

Разрез мне сразу не понравился – слишком уж сильно кровить начал. Ну нет по срединной линии крупных сосудов, чтобы так лилось. Хотя, если свертываемость снижена... Но не настолько же. Меня начало беспокоить, что я увижу в брюшине. Через несколько секунд я это узнал – оттуда хлестануло чуть ли не знаменитым аравийским фонтаном Фахда.

– М-мать.

Заработал кровоотсос. Я начал искать причину кровопотери.

– Быстро плазму. И добавьте рефортан, преднизолон во вторую вену. Что-то слишком сильно льет.

Печень выглядела странно – для молодой и здоровой девушки. Нет, не цирроз, не повреждения хронического гепатита. Что-то очень знакомое, но я никак не мог ухватить, где еще видел такие характерные изменения. Инфильтрации желчью не наблюдается, а вот сам орган кровил – неприятное диффузное кровотечение. Сдавил сосуды ворот – на время решило проблему. Есть пять минут, потом придется убирать зажим. Надо искать дальше – кровь все равно поступает. И причина явно не в печени.

Вот оно!

Поврежденная брюшина, а за ней – разрыв артерии почечной ножки. Все вместе и обеспечивало тот кровавый фонтан, что меня поразил при полостном разрезе. Кровь тутими толчками выплескивалась из раны. Я быстро стал набрасывать швы. Интерн споро помогал – хорошая хватка у парня, и сам без подсказки справляется. Если не бросит медицину из-за нищенской оплаты, выйдет неплохой хирург.

Кровь все равно прибывала, давление скатилось до шестидесяти четырех.

– Еще плазму. И пустите сильнее по вене. Я не успеваю перекрыть отток.

Печень снова начала сочиться кровью. Я глянул на зажим – вроде крепко держится. Но все равно пора снимать – время на исходе. Откуда крови-то столько?

Дошивая артерию, я устало вздохнул. Кажется, успели. Почку девочка сохранит – не вижу причин для удаления. Убрал зажим с сосудов – открывшееся снова кровотечение уже так не

пугало, как рана на почке. Аккуратно я стал приводить печень в порядок...

Давление ухнуло сразу до сорока, противно запищал кардиомонитор, пульс бодро усккал до ста пятидесяти.

– Бл...дство, – выматерился интерн, – что ж за хня?

Полностью с ним согласен, но не было времени что-либо ответить. Такое ощущение, что кровь стала сочиться чуть ли не из самой брюшины.

– Еще криопреципитата, – крикнул я, лихорадочно перекрывая новые участки кровотечения.

И тут сердце встало. Давление покатилося вниз.

Медсестра вкатила два шприца сразу в трубку капельницы – ноль реакции, последние пики пульса на кардиомониторе стихали ровненькой, чуть-чуть волнистой линией. Анестезиолог достал дефибриллятор – дал разряд, второй, третий. Тело на столе безвольно дергалось под импульсами.

Еще укол адреналина.

Три разряда.

– Все, – сказал я, снимая маску. – Хватит.

И только теперь вспомнил, откуда мне знаком такой характерный рисунок поверхности печени. Бывает же – в пылу операции все ненужное уходит куда-то в дебри памяти, как будто сознание само решает, что важно в данный момент, а что нет. Хотя даже пойми я это сразу, не факт, что помогло бы, что спасла бы догадка умершую девушку.

Я вышел из операционной через пять минут, прямо в заляпанном кровью фартуке. Не люблю выглядеть хирургом-маньяком – всегда стараюсь поаккуратнее работать. Но, видимо, сегодня день такой, что все через задницу получается. Настроение было соответствующим – хотелось кого-то убить. Желательно в первую очередь новых знакомых с короткостволками по карманам.

Бугаи сидели, как школьники, – смирно и тихо. Подскочили, только меня увидели.

– Ну?! – открыл было рот Бычара.

– На чем она сидела? – сразу наехал на него я.

– Чо?

– Не «чо», а на чем она сидела?

Удивительно, но этот вполне себе простой вопрос сбавил градус нахальства у моих новых знакомых.

Лысый угрюмо спросил:

– Тебе-то что?

– А сказать не могли, идиоты? – Меня несло, и останавливаться я не собирался. – Предупредить нужно было, что ваша подопечная – конченная наркоманка, а не пушкой махать.

– Да ты знаешь, кто она? – рявкнул Бычара. – Она дочь Коломийского. Вакнешь кому-то, я тебе голову в жопу засуну.

– Не вякну. – Мне резко стало на все плевать. – И никому это уже интересно не будет.

– В смысле? – испуганно спросил Лысый.

– Девушка умерла. Сильная потеря крови. При частом употреблении кодеинсодержащих препаратов нарушаются механизмы свертываемости – даже специальные инфузии, что я в нее влил, дела исправить не смогли. Да и от героина такое бывает. Потому и спрашиваю... Сказали б, что ваша подопечная – прожженная наркоманка, может, и вытянули бы.

– П...ц тебе! – заорал Бычара, хватаясь за пистолет.

Но Лысый удержал его за руку.

– Стой, Вадим. Если грохнешь доктора, то кто подтвердит хозяину, что мы ни при делах? Он же нас следом порешит. Мы еще хирургу позавидуем.

Удивительно, но столь проникновенная тирада товарища возымела действие. Бычара неловко убрал руку. И хмуро поглядел на меня:

– Еще увидимся, доктор. Хозяин захочет с тобой поговорить.

– Не думаю. – Я, нагло развернувшись к ним спиной, пошел снимать окровавленный костюм. Дико хотелось в душ и чего-нибудь алкогольно-высокооктанового. Но еще сильнее хотелось, чтобы этот ненормальный день побыстрее закончился. Или хотя бы не приносил больше сюрпризов.

Эти два брата-акробата крепко меня разозлили. Что ж за мода такая пошла – крайними врачей делать. Должны спасти, должны вылечить, должны сделать невозможное – и никакой исход, кроме благополучного, не подразумевается. Жаль, что никто,

кроме нас, не знает, сколько болезней в сухих строчках инструкций дополняются фразой «при адекватном лечении смертность не более такого-то количества процентов». Мы порой вытягиваем с того света, когда сами не верим в благополучный исход, но никто этого не замечает, не хочет замечать. А не получается – общественное мнение с радостью хаает объяснение, кто виноват от и до.

Да и не стоит обывателям всего этого знать – а то еще повесятся с перепугу, как поймут, насколько она хрупкая – эта жизнь. Нет, мы точно не герои, побеждающие смерть инъекцией да таблеткой. Мы шулера, которые раз за разом обманывают старуху с косой, выставляя ее за дверь больничной палаты.

Вернувшись в отделение, я услышал, как визжит старшая медсестра. Следом донесся крик:

– Кто-нибудь! Сюда! Он встал!

В конце коридора из палаты выскочила Валентина Матвеевна, причем с такой скоростью, как будто за ней гнались ромеровские зомби, подвывая: «Мозги! Мозги!»

– Кто встал? – не сдерживаясь, заорал я на весь коридор. – Что еще случилось?

– Иван Игоревич! Иван Игоревич! – Истерические нотки никуда не делись, Валентина Матвеевна подбежала ко мне, вцепилась в плечо. И тут я с удивлением понял, что медсестра от страха еле на ногах держится.

– Кто встал? – уже тише и спокойнее повторил я.

– Труп! – то ли всхлипнула, то ли взвизгнула старшая.

– Пойдемте глянем. – И почти что галантно подхватив ее под ручку, потащил к дальней палате. Насколько я понял, именно туда снесли все трупы, пока работники морга за ними не придут. – Валентина Матвеевна, может, вы просто ошиблись?

– Не-ет, – всхлипнула женщина, – я туда зашла окна проверить. И тут он приподнимается и простыню с себя снимает.

– Может, вы слишком поспешно его в трупы записали?

– Вы что? – обиделась медсестра. – Как тут ошибешься? Я же сама с Сергеем Валентиновичем его реанимировала. Разряд давали, адреналин ввели – сердце даже не дернулось.

– Извините, Валентина Матвеевна, – повинился я. И вправду, уж кому-кому, а старшей медсестре стоило в этом доверять – с ее-то опытом. Мертвого от живого точно бы отличила. Ну, разве что кроме какого-нибудь экзотического случая, вроде летаргической комы. Да и Луканов бы такой глупой ошибки не совершил – педантичная сволочь, не позволяет себе ошибаться. Два опытных человека – и вдруг приняли живого за мертвого? Странно.

Дверь палаты неожиданно открылась нам навстречу, на пороге показался светловолосый мужчина, завернутый в простыню, как римлянин в тогу. На ногах у него были синие в зеленую полосочку носки, из-под импровизированной накидки выглядывала синяя майка спортивного кроя. Глаза сверкали странным лихорадочным возбуждением.

– Иван Игоревич, доброго дня, – важно поздоровался пациент.

– И вам доброго, Михаил.

Тут медсестра не выдержала и с глубоким вздохом потеряла сознание. Я еле успел ее подхватить, чтобы не ударились, и аккуратно уложил на пол.

– Ирина! Аня! Сюда! – рявкнул я на все отделение. – Валентине Матвеевне плохо!

Еще раз внимательно оглядел Михаила Тимошенко – он лежал в моем отделении после операции, четыре дня прошло, динамика была отличная. Да и сейчас выглядит хоть куда. Трупных пятен нет, наоборот, румянец на щеках, да и движения резкие, бодрые. На свежий труп никак не похож, как и на классического зомби.

– Что же вы так, Михаил? Зачем Валентину Матвеевну пугаете?

Тот виновато пожал плечами. Помог мне перетащить женщину на диванчик около поста. Рядом захлопотали две медсестрички. Впрочем, Валентина Матвеевна быстро пришла в себя, пересела за стол, стараясь держаться подальше от Михаила.

– Позвольте? – Я взял его запястье, нащупывая пульс. Ровный, как у абсолютно здорового человека, ударов семьдесят. Даже слишком ровный для человека, который только что очнулся сре-

ди покойников. – Михаил, как вы себя чувствуете? – поинтересовался для успокоения совести.

– Отлично, доктор, – улыбнулся Тимошенко. – Даже лучше, чем раньше.

– Представляете, Валентина Матвеевна сказала, что вы умерли, а сейчас воскресли. – Я втайне порадовался, что хоть какая-то сегодняшняя история закончилась хорошо.

– Так и есть, – кивнул он, как-то очень внимательно ко мне приглядываясь.

– В смысле?

– Я умер. И Господь меня воскресил, – торжественно заявил Михаил.

Неподалеку опять послышался глубокий вздох. И вслед за ним снова засуетились медсестры.

– Валентина Матвеевна, – устало сказал я в воздух, – вам еще не надоело в обмороки падать? Это как бы непрофессионально.

И, повернувшись к Михаилу, спросил отдельно и ясно:

– Вы утверждаете, что умерли? А потом вас воскресил Господь?

Михаил радостно закивал. И с гордостью во взоре добавил:

– Я должен многое сделать. И потому Он меня вернул.

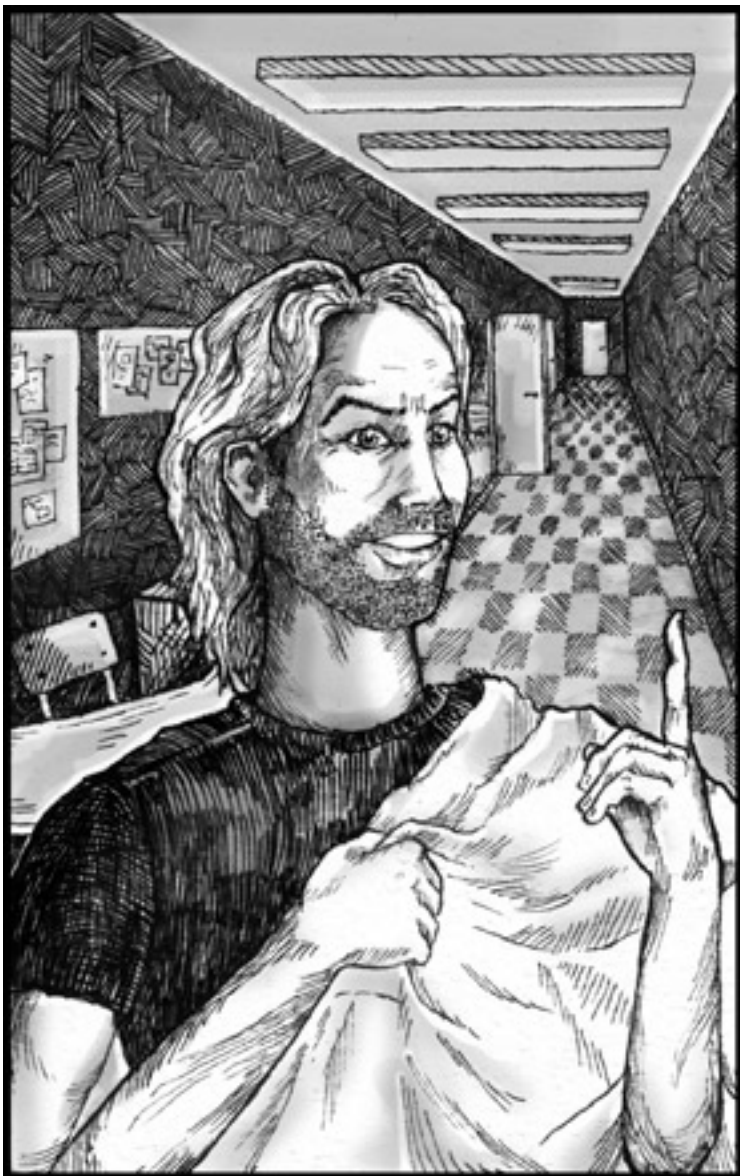
Я прямо почувствовал, как Михаил сказал «Он» – с очень большой буквы. Вот те раз, а казался совершенно нормальным до сегодняшнего дня. Надо будет завтра вызвать больничного психиатра – пусть Вадим разбирается с этим «воскресенцем» сам.

– Тогда поздравляю вас, – пожал я руку Михаилу. Спокойствие, только спокойствие, тон доверительный, движения плавные. – Отдыхайте, завтра мы еще с вами побеседуем...

– Но я хотел уже выписываться, – перебил меня Тимошенко.

– Зачем торопиться? Вы сегодня пережили потрясение. Вам нужно отдохнуть. А завтра я вас выпишу. – Пациент выглядел совсем не так, как я его помнил и до операции, и после. Что-то в нем появилось. Пока еще малозаметное, но все более и более проявляющееся с каждой минутой разговора. Напор? Уверенность? Или признаки безумия?

– Спасибо, Иван Игоревич, – еще одна широкая улыбка.

– За что?

– За понимание. Я думал, что придется долго объяснять, а вы сразу все поняли и уверовали в меня.

– Э-э-э... – Я не нашелся, что сказать, так меня смутило его последнее заявление. Уверовать в него? Мания величия? Начальные признаки шизофрении? Так, без Деменко точно не обойтись. Надо бы его еще сегодня натравить на этого «ходячего жмура». – Отдыхайте, Михаил. Конечно же, я вас понимаю. Валентина Матвеевна, отведете пациента в его палату?

Тут я поймал перепуганный взгляд старшей и сжалился.

– Ирочка, помогите Михаилу. А Валентина Матвеевна пусть еще немного отдохнет.

Медсестра подхватила руку Тимошенко и немного опасливо повела его по коридору.

– Иван Игоревич, – свистящим шепотом сказала старшая медсестра, – я не ошиблась. Христом клянусь, не было ошибки. Спросите у Луканова. Мне не верите, ему поверьте.

– Да верю я вам, Валентина Матвеевна, – я устало отмахнулся. – И доверяю как специалисту – вряд ли вы просто так ошиблись. Может, это такой симптом неведомой болезни? Впал человек в глубокую кому, вот вы его и приняли за мертвого. Полежал немного и пришел в себя. Сегодня уже столько всего навертелось – я готов верить во что угодно.

– А адреналин, а разряд?

– Всякое в истории медицины было.

Ужасно хотелось посидеть – тело просило пощады, морально я тоже жутко вымотался за сегодня. Но плановые больные никуда не делись даже в такой день, да и приемник работал споро, одного за другим подвозили новых пострадавших. Видимо, сегодня у «скорой» ударные стахановские сутки. И еще надо было проверить неожиданную гипотезу – может, не одному Тимошенко повезло.

Через полчаса я выполз из палаты с мертвыми пациентами – перешушав, переслушав всех по два раза. Нет, ни летаргия, ни глубокая кома, ни прочая экзотика не наблюдались. К сожалению. Люди бесповоротно мертвы – уже начали проявляться трупные пятна на нижнерасположенных участках тел, помутнели рогови-

цы, да и слизистые оболочки повысыхали. Мертвы, без вариантов. Трупы ничем не напоминали живчика Тимошенко, хотя, по словам Валентины Матвеевны и сбежавшего засранца Луканова, Михаил поначалу ничем от умерших не отличался. Но к финишу с ними не пришел – дезертировал.

Минут через десять я уселся за посмертные эпикризы. Все равно эту работу делать надо, а кроме меня сейчас и некому. Медсестрам не доверишь, Луканов неизвестно где. Да и сегодняшние эпикризы фиг кто напишет. Я и сам не знаю, как их заполнять. Может, написать ту геморрагическую ерунду, что придумали полудурки из Минздрава? Так позориться перед Олегом Даниловичем не хочется. Пусть это и официальная версия, но ведь идиотская. Нет никаких признаков геморрагии у трупов. А значит, у здоровых тем более искать ее смысла нет.

Еще два часа я потратил на бумажки. Потом я забежал в администрацию, но шеф уже ушел. Да и в администрации мало кто остался – Олег Данилович всех отправил по домам.

Выбравшись из больницы в ясное тепло раннего весеннего вечера, я не спеша прошел на стоянку к своей машине. Темно-синий «фольк» – пусть и не шикарный кабриолет, но мне нравится. Мне в нем уютно, а для меня это самое важное. Вчера я оставил машину около больницы, меня забрала Лена. Сегодня пора самому ехать домой.

Лена...

А я так и не связался с ее родными.

Неприятно чувствовать себя сволочью. И что день такой ненормальный – совсем не оправдание. Достал телефон, чтобы набрать хоть кого-то из общих знакомых. И с удивлением увидел надпись «нет сети». Явно сюрпризы дня сегодняшнего заканчиваться не хотят. Плюнув и решив, что разберусь со всем этим завтра, я забрался в машину и выехал со стоянки.

Домой я добирался целый час – не ожидал, что встретятся три крупные пробки. Кое-где дорогу украшали россыпи искристого стекла, в одном месте даже не успели оттереть кровь с асфальта – и багровое пятно выделялось под ярким весенним солнцем. Перед подъездом припарковалась «скорая» – водила устало курил на лавочке, мрачно осматривая окрестности.

Лифт тоже не работал. Но это я никак не связывал с неприятными сюрпризами прошедшего дня. Детище Элиша Грейвса Отиса и раньше отказывалось выполнять обязанности и выдавало самые разнообразные капризы, доводя лифтера до белого каления. А вот жильцы в большинстве своем привыкли. Да и я не роптал. Забежать на восьмой этаж – хорошая гимнастика. Но вот сегодня я бы предпочел небольшой подарок от современной техники – с радостью бы вознесся на свой этаж в кабине лифта.

Еле переставляя ноги, я пересчитал все ступени с первого этажа и по своей... чтобы увидеть на площадке, около двери соседки врача «скорой».

– Случилось что? – устало поинтересовался я, протягивая руку. – Я сосед. Тоже медик. Хирург. Сволочной денек, правда?

После крепкого рукопожатия молодой врач мрачно сказал:

– Армагеддец, а не денек. С ног сбиваемся... И везде одно и то же.

– А тут что? – выдавил я из себя остатки любопытства.

– У вашей соседки муж умер. Сейчас оформим и будем забирать. Полицейские уже уехали – вот у кого тоже работы сегодня непочатый край.

– Ужас... – вяло согласился я, отпирая дверь. – Надо будет зайти к соседке, успокоить хоть как-то.

– Надо, – кивнул врач, подкуривая сигарету. – Сучий день, быстрее бы закончился.

Махнув рукой на прощание, я закрыл дверь и первым делом поплелся на кухню, чтобы выудить что-нибудь высокооктановое из холодильника. Идти к бару не хотелось, хоть там и утнездились напитки посолиднее, но в холодильнике можно найти средство два-в-одном – выпить и закусить. Только сейчас я понял, что не ел весь день. Да и утром с Леной позавтракал только кофе с домашней булочкой.

На кухне меня встретил никотиновый туман и Машка, угрюмо пьющая водку на подоконнике. Думал, что меня сегодня уже ничем нельзя удивить. Но Маша, пьющая в одиночку, – это очень круто. Если жена по водке ударила, тогда точно конец света наступил.

Глава 2

Когда речь заходит о судмедэкспертах, почему-то все представляют здорового небритого мужика с бычком в зубах. Именно поэтому, когда перед родственниками покойных появляюсь я, большинство смотрит пустым взглядом. Некоторые раздраженно бросают: «девушка, ну я же просил позвать патологоанатома». Поначалу я обижалась, потом веселилась, сейчас не обращаю внимания. Небритым дядькой мне не стать ни при каких условиях, да и метр шестьдесят роста тоже не слишком подкорректируешь. Если добавить к этому манеру носиться чуть ли не вибрирующей, симпатичное лицо и фигуру со всеми нужными округлостями, очевидными даже под бесформенной спецодеждой, реакция людей становится предсказуемой до невозможности.

Кабы не куча отчетов и необходимость иногда общаться с родственниками усопших, моя работа была бы идеальной. Впрочем, огромное количество бумажек – вечная беда любого врача, и по сравнению с докторами других специальностей мне еще везет. «Больные» не скандалят, отвечать по большому счету не перед кем, кроме собственной совести и Бога, которого нет. Ведь, как известно, патанатом – лучший диагност, он же последняя инстанция. Да и проверки особо не допекают. В последний раз, помнится, проверять пришли по наводке журналистов. То ли работники желтой газетенки перегрелись, то ли их источник отличался своеобразным чувством юмора, а проверять его никто не стал. Словом, решили они сорвать покровы: местные торговцы фруктами хранят их не где-нибудь, а в холодильниках судебного морга. Подкупить медиков выходит дешевле, чем арендовать нормальные склады по всем правилам.

Узнав о цели визита, шеф покрутил пальцем у виска и повел комиссию смотреть холодильники. Дело было как раз в разгар лета, а полежавший пару дней под кустом труп пахнет ничуть не лучше подгнившей туши. Проверяющие нервно слотнули и мигом испарились, отказавшись даже от коньячка на прощанье. Выражения, которыми их потом поминал шеф, при дамах лучше не повторять. Во второй на моей памяти раз проверка приходила, когда появились слухи о том, что мы пускаем трупы на органы. Хотела бы я посмотреть, на какую трансплантацию готовится почка бомжа, месяц после смерти пролежавшего в подвале. Впрочем, в той комиссии оказались люди вменяемые, в холодильники не лезли. Мол, вы же сами все понимаете: поступил сигнал, мы обязаны отреагировать.

Словом, все хорошо, кроме живых, с которыми тоже приходится общаться. Я в судебные медики-то пошла именно для того, чтобы не иметь дела с больными. К сожалению, хороший врач – это не только светлая голова, но еще и умение принимать людей во всех их проявлениях. По крайней мере, в рабочие часы. То, что хорошего врача из меня не выйдет, я поняла довольно быстро. И выбрала специализацию, исходя из принципа «не навреди». Насколько оказалось сложно прорваться в интернатуру на «судебку», сейчас лучше не вспоминать, но оно того стоило. Нет, с головой у меня все в порядке. А вот с терпением и тактом – не очень. Так что стараюсь лишний раз не встречаться с родственниками покойных. Понятно, трудно сохранять адекватность, потеряв близкого. И все же...

– Девушка, я же просил позвать патологоанатома.

Ну вот, рабочий день, считай, еще не начался, а уже. Семейная пара, чуть за сорок. У нее заплаканное лицо и потухший взгляд, он держится как человек, то ли не осознавший, что произошло, то ли не желающий в это поверить.

– Меня зовут Мария Викторовна, и я судебно-медицинский эксперт. Чем могу помочь?

Дурацкий вопрос. Помочь я могу едва ли, смерть – пожалуй, единственная необратимая штука в нашем мире, а в другой я не верю. Но это лучше чем «что вы хотели?».

– Вы... вскрывали мою дочь?

– Простите, а как ее фамилия?

Может, я, может, и нет. Криминальных трупов хватает – от «подснежников» до суицидов. За последние два дня были три молодые женщины. Изнасилование и убийство, взрыв и криминальный аборт с летальным исходом. Так которая из?

– Воронцова... Катя, – выдавила женщина. Вчера вечером тело отдали.

Эту помню. Неопровержимое доказательство того, что всеблагий и справедливый Господь – всего лишь выдумка для слабых. Девочке было шестнадцать. В девочку был влюблен мальчик, который ее не интересовал совершенно. Такое случается, и нередко. Только мальчик, как водится порой за юными мальчиками, решил, что это конец света. Сделал самопальную бомбу, навесил на пояс, шахид недоделанный. Напросился на встречу – мол, попрощаться хочу, докучать больше не буду. Обнял напоследок и бабахнул.

– Да, я проводила экспертизу. Что вас интересует?

– Где ее трусики? – спросил отец.

– Прошу прощения?

– Нам выдали одежду. Все на месте, кроме трусов. Где они?

– Понятия не имею. Возможно, возвращать было нечего.

Как могут выглядеть трусики после того, как прямо на живом у девушки взорвался заряд?

– Как это вы не имеете понятия, если, как говорите, проводили экспертизу?

– Ко мне на стол тело попадает раздетое. Если хотите, могу поискать санитара, который этим занимался.

– Уж поищите, – процедил он. – Не стыдно на людском горе наживаться?

Отвечать на риторические вопросы не имеет смысла, поэтому я молча развернулась и пошла искать санитара. Не то чтобы я верила, будто он стащил трусы. Просто клиент всегда прав и так далее и тому подобное, а врачи, конечно, убийцы и хамы, и нельзя лишать человека удовольствия в очередной раз убедиться в этом лично.

Искать, разумеется, не пришлось, куда он из секционного зала денется. Идти дальше оказалось: в служебные помещения родственники не допускаются.

– Михалыч, с этой, которую взорвали, ты работал?

Михалычу за шестьдесят, и, кажется, он был здесь всегда. По крайней мере шеф утверждает именно так, а я тут слишком недолго для того, чтобы это оспаривать. Пять лет после института – как раз тот срок, за который из личинки врача формируется специалист. С точки зрения обывателя, правда, доктором меня назвать сложно, ну да обыватели на то и обыватели, чтобы иметь единственно верное мнение обо всем на свете.

– Сама знаешь, я, – ответил Михалыч. – А что?

– Там родители трусы потеряли. Поговоришь?

– А ты чего?

Я сделала умильное лицо.

– Ну, Михалыч, ну миленький, поговори. Я ж опять поругаюсь, ты же знаешь.

– Эх, молодо-зелено, – вздохнул он. – И чему вас только учат? Должна будешь.

Я кивнула. Чему учат? Куче всякой ерунды, которая потом забудется сама собой. А вот разговаривать с людьми – нет. Кто-то потом учится сам, а кто-то как я. Безнадежен.

Михалыч вон безо всякого университета умеет уболтать даже самого агрессивного. Жаль, мастер-классов не дает. Смеется только, мол, любить людей надо, они хорошие, но не все сами это понимают. Может, и так. Только...

Додумать я не успела. Из-за спины раздался крик «врача!», и я рванула туда со всех ног. Из-за банального обморока Михалыч бы не суетился, навидался. И обмороков, и сердечных приступов. И если он орет во всю глотку, значит, что-то серьезное. Из секционного зала через коридор, выложенный кафелем – убьюсь когда-нибудь, поскользнувшись, – туда, где остались безутешные родственники.

Когда я вылетела в холл, над лежащей уже суетились коллеги. Непрямой массаж сердца, дыхание рот в рот, как по учебнику. Вот клинической смерти прямо в морге на моей памяти еще не было.

Михалыч поднял голову:

– «Скорую» вызывай!

– Что сказать? Сердце?

– Да!

Телефон зазвонил, как всегда не вовремя. Муж умирающей, до сих пор тихонько сидевший в углу, подпрыгнул, я матюкнулась, на миг забыв и про этику, и про деонтологию.

«Вот когда ты помрешь – похоронят тебя, гроб украсят зеленым венком»¹, – завывал телефон, пока я извлекала его из-под рабочего костюма. Муж на эту песню обижается, ну и пусть. У меня больше поводов. Я сбросила вызов – перезвонит, если надо, – и набрала номер «скорой». «В настоящее время все линии заняты, пожалуйста, подождите».

Попадись мне идиот, что первым придумал ставить на время ожидания музыку, – убила бы. Отключилась, набрала снова. «Пожалуйста, подождите».

Цирк, да и только. Полное здание вроде как врачей, а толку – ноль. Впрочем, будь тут хоть сам Гиппократ, широко бы он развернулся со стандартной аптечкой да мешком Амбу², непонятно, каким чудом попавшим в укладку?

– Что там?

– Не отвечают.

– Не может быть!

– Звони сам. – Я сунула коллеге телефон, он отмахнулся, достал свой. Я снова набрала номер. Музыка. Да сколько ж можно!

Нет, я все понимаю. Про врачебные зарплаты мне можно не рассказывать, у мужа-хирурга в расчетке слезы одни, щедро наше государство несказанно. Про то, какая адская работа у «скорой», можно тоже лишний раз не повторять. Результат предсказуем: людей не хватает. И если бригаду приходится ждать полчаса, значит, она едет с одного вызова на другой – и появиться раньше просто некому. Но чтобы вот уже пятнадцать минут занято? Что у них там стряслось, умерли все?

– Скорая помощь. – Ну наконец-то.

1 «Веселая покойницкая», группа «Башня Rowan».

2 Ручной дыхательный аппарат.

– Женщине плохо с сердцем, – знаю, что это не диагноз. Но глазом-рентгеном не обзавелась, диагнозы издаലെка ставить не умею. Вот вскроем... тьфу ты, не накаркать бы. – Проводим сердечно-легочную реанимацию. Нет, самостоятельного дыхания нет. Пульса тоже. Адрес... Да, судебный морг. Ждем.

Телефон снова подал голос, я опять сбросила звонок. Сменила коллегу: мне достался мешок Амбу. Два вдоха, тридцать нажатий. Два вдоха...

По-хорошему нужно подключать мешок не к маске, а интубировать. По-хорошему нужен дефибриллятор, одновременно – катетер в подключичную вену и фармакологическую поддержку. Если б мы были в больнице, все бы это нашлось. Наверное. Но мы были в морге, а местным постояльцам реанимация ни к чему.

Меня сменили, отошла к стенке, чтобы не мешаться. Глянула на часы – еще пятнадцать минут прошло. Потом еще пятнадцать. Некоторые источники утверждают, что и первой четверти часа хватило бы для того, чтобы убедиться в неэффективности реанимации, кто-то рекомендует продолжать до приезда «скорой». Но «скорой» не было.

– Хватит, – сказал шеф наконец. – Все понятно уже. Ты, – палец указал на ближайшего коллегу, – оформляй документы. Уносите.

Он подошел к мужу умершей, начал что-то негромко говорить. Я не вслушивалась. Не первая смерть на моей памяти – еще когда студенткой в реанимации подрабатывала, насмотрелась, – а все равно паршиво. Сходить, что ли, стрелкнуть у кого сигарету? Если не превращать в привычку, действительно успокаивает. И позвонить надо... что там муж хотел?

– Ив, привет, звонил?

Вообще-то мужа зовут Иван. Ваня. Но какой он, к лешему, Ваня – шикарный кареглазый брюнет с широченными плечами, вокруг которого девчонки штабелями укладывались. Когда мы начали встречаться, в институте, «Иван» показалось слишком чопорным, а «Ваня» – совершенно неуместным... тогда и родилось: «Ив». Прозвище, навевающее мысли о Франции... и соблазне. Дела давно минувших дней. А прозвище осталось.

– Да, – голос был недовольным, и я поморщилась. – Домой рано не жди, у меня ахтунг.

И отключился, не попрощавшись.

Я убрала телефон, медленно и бережно, уж очень хотелось запустить о стену. Достал. Обидами на пустом месте, дежурствами, половину из которых выдумывает, вечной усталостью, что якобы дает право уткнуться носом в монитор и ничего не делать – можно подумать, я на работе груши околачиваю... А еще бабами. И находит сплошь красивых, но без мозгов. Предпоследняя вон додумалась позвонить с воплем: отдай его, он мой. Мы же интеллигентные люди, давай, мол, ситуацию разрешать цивилизованно. Я не стала уточнять, с каких это пор «цивилизованными» называют попытки решить за взрослого дееспособного мужчину, с какой женщиной ему оставаться. Он что, дитяtko малое, неразумное? Да забирай, говорю. Только ты всерьез полагаешь, что мужчину можно, как телка, из рук в руки за рога передать, а он и не взбрыкнет? Обручальное кольцо у него на пальце, а не в носу, захочет – уйдет. Не уходит? Ну извини, милочка, полагаешь, это мои проблемы?

Мужу я тогда ничего не сказала. Устраивать скандал – противно и бессмысленно, а ничем иным подобный разговор и не закончился бы. Из десяти пар с курса, поженившихся до окончания института, мы – последние, кто еще не развелся. И, кажется, тоже недолго осталось. Жаль.

Телефон зазвонил снова, я опять поморщилась, но ответила. Аня любит потрепаться «за жизнь», то есть ни о чем, абсолютно не принимая во внимание, есть ли у собеседника время и желание говорить. Но все лучше, чем размышлять о том, что хорошее дело браком не назовут. Или о трупе, который только-только увезли, и «скорой», что так и не приехала.

– Маш... Кирюша умер.

– О господи... – Я прислонилась к стене. – Когда?

– Я утром его покормила... Положила в кровать, пошла на кухню сама поесть... Возвращаюсь – он теплый и неживой совсем.

Я сползла по стене, не отрывая трубку от уха. Аня все звала меня в крестные, а я смеялась, совсем, что ли, сдурела, атеистку в крестные звать? Так и не окрестили...

– Маш, в «скорую» еле дозвонилась. А приехали какие-то с полицией. Протокол пишут. Они что, считают, это я его сама?

– Мария, все в порядке?

Я отмахнулась от шефа – все в порядке, захотелось вот на полу посидеть вместо работы.

– Анечка, они ничего такого не считают. Правда. Просто есть правила. Никто тебя ни в чем не обвиняет.

– Они говорят, в морг повезут, дома не оставят. Я не хочу, чтобы моего мальчика...

– Анечка, милая. Ему не будет больно. Правда.

Ему уже никогда не будет больно.

– Как я его одного с чужими оставляю? Маш, а ты можешь договориться, чтобы меня пустили?

Даже если б и могла, не стала бы. Понятно, что подруга сейчас не в себе, и все же нашла, о чем просить.

– Не получится. Есть приказ Минздрава... Сто восемьдесят два, пункт один-восемнадцать.

– Как ты можешь о бумажках говорить, когда тут... – всхлинула она и бросила трубку.

Могу. Я много чего могу. Ох ты черт, ну и денек, а ведь еще девяти утра нет.

У служебного входа обычно кто-нибудь из наших да околачивался. Раньше, не церемонясь, курили прямо в прозекторской, но потом там поставили пожарные датчики, на каждую сигарету реагирующие истошной сиреной, – и заядлым курильщикам пришлось перебраться во двор. У кого стрельнуть курево, найдется.

Рядом с крыльцом стояла труповозка, около нее в компании водителя и полицейского дымил наш эксперт.

– Сигареты не будет? – поинтересовалась я.

– Ты ж не куришь, – коллега протянул раскрытую пачку. Я пробурчала что-то невнятное, затянулась. Дым заскреб горло – потом болеть будет. Ну и черт с ним.

– Постой. – До меня только сейчас доперло, что эксперт вообще-то с ночной смены и давно должен был ехать домой. – Ты чего до сих пор здесь?

– Да с вызова возвращались. Этим, – он мотнул головой в сторону полицейской машины, – по радию еще один пришел. Давай, говорят, заглянем, все равно смена еще не кончилась. Заглянули, мать его! – Коллега сплюнул. – Вот только-только добрались, на дорогах кирдык, авария на аварии, пробки дикие. Домой пешком пойду. Документы только оформлю.

Я кивала, машинально поддакивая. Что за день такой?

– А тут что? Чего ручки трясутся?

И в самом деле. Надо же, не заметила.

– Да тоже веселуха с утра пораньше. Посетительница умерла.

– Бывают же деньки, м-мать... Хрен с ним, пошли работать.

Пошли работать. Что бы ни творилось вокруг, наше дело никуда от нас не денется – одним людям нужно узнавать причину смерти других. Хорошо это или плохо – не мне судить. Сейчас – просто отлично, можно работать и не думать. Еще плюс, что детские прозекторы есть, в соседнем крыле, и детские трупы на них. Конечно, скажи я про Кириюшу – подменили бы без проблем, а возможно, он бы просто ко мне не попал. И все же лучше так. Потом протокол прочитаю, Аня же спросит.

Так, ладно, все фигня, кроме пчел, а рыдать на работе неприлично. Оставим до дома. А пока – самоубийца.

Как по мне, подростков с идеями «вот умру, буду в гробу лежать красивый, и все поймут, кого потеряли» нужно приводить к нам в приказном порядке. Чтобы убедились – смерть красивой не бывает. А заодно посмотрели, что сделают с их телом. На извлеченный и аккуратно разложенный органокомплекс, от языка до прямой кишки, на вынутый мозг. И не слишком эстетичный шов от горла до паха, остающийся после того, как внутренние органы вернут обратно и туда же, в брюшную полость, сложат мозги – чтобы не испортили похороны, вытекая из вскрытого черепа. Смерть – мой хлеб, а относиться к трупу как к объекту изучения студенты учатся еще на курсе анатомии. Но тех, кто ищет в

ней эстетику, я бы собственноручно привязывала к секционному столу. Чтобы полюбовались, эстеты, тоже мне.

Что там у нас? Повешенный... Сам ли этот мужчина залез в петлю, или ему помогли, решать следователю. А мое дело – точно назвать причину смерти. И подробно описать все, что увидела. Чем я и занялась.

Я дописывала акт судебно-медицинской экспертизы, когда через плечо склонился коллега, дохнув свежим спиртом. Вопреки представлениям обывателей, на работе мы не пьянствуем. Ну, не чаще других. Праздники и дни рождения – дело святое. Впрочем, насколько мне известно, даже у офисного планктона принято проставляться по таким поводам. Спиртыга с утра, да еще и от Вадима, кафедрального сотрудника, который сейчас должен был этажом выше студентов строить, – не иначе как завтра красный снег пойдет.

– Что делаешь?

– Песни пою. Русские народные, – огрызнулась я. Терпеть не могу, когда за спиной стоят и через плечо заглядывают. Еще меньше люблю дурацкие вопросы. – Куда студентов своих дел?

– Домой отпустил. Все равно только четверть группы добралась, говорят, город встал полностью.

Странно. Пробки у нас, конечно, есть – где их нет. Правда, приезжие москвичи истерически смеются, слыша что-то вроде «ну, от сих до сих можно доехать за пятнадцать минут, а если пробка – то за час». Но чтобы весь город стоял?

– Шеф сказал, – продолжал Вадим, – пойти к тебе и вместе исследовать любой труп из сегодняшних скоростижно скончавшихся.

– Вдвоем? Зачем?

– Затем, что есть приказ, который говорит: в случае сложности экспертного исследования...

– Про приказ посетителям втирай. Какая там сложность?

Он вытаращился на меня, словно на чудо-юдо.

– Ты где была все это время?

– Работала, если ты не заметил.

– А. Ну да. Ты работала, а мы тут так, мимо пробежали. Оторви голову от бумажек и посмотри по сторонам.

Это верно, когда я о чем-то думаю, ничего вокруг не вижу. Сколько обиженных знакомых пришлось утешать – мол, не специально мимо с каменной мордой прошла, просто задумалась, – не перечесать. Я огляделась. Присвистнула. То, что холодильников не хватает, – не новость, и трупы часто оставляют в секционном зале. Но столько? После десятидневных новогодне-алкогольных марафонов и то меньше бывает. Между столами, пожалуй, не пройдешь, не наступив.

– Пойдем, еще кое-что покажу.

Вадим деловито зашагал в соседнее крыло, где детские прозекторы работают. Игнорируя вопросы, подвел к двери трупохранилища. Что может быть такого сверхъестественного в холодильнике? Это только в ужастиках оттуда мертвецы вылезают, а у нас трупы тихие. Вадим распахнул дверь, изобразил галантно-дурашливый жест. Так, похоже, к спирту он не просто приложился. Я шагнула внутрь и вцепилась в косяк.

– Корвалол налить? – поинтересовался Вадим. Голос звучал как будто сквозь вату.

– Откуда столько?

Зрелище наводило на мысли о Вифлееме первого года нашей эры.

– Откуда... Соседний квартал, три садика и одна школа.

– Выброс, что ли, какой? Так и нас бы накрыло.

– Не знаю. Никто не знает. Я тут одним глазком в Интернет глянул – пишут, что дети до трех лет почти все, да и те, что постарше, – большая часть. Врут, наверное. На то он и Интернет, чтобы из мухи слона сделать. Но то, что много... – Он придержал меня под локоть, повторил: – Корвалол налить? У меня в кармане лежит.

– Еще бы валерьянки предложил. – Я отступила, закрывая дверь. – Только я не детский прозектор.

Водки бы сюда. Много. Кирюша, значит, всего лишь один из... сотен? Сколько детей до трех лет в городе с населением в семьсот тысяч? Думать об этом не получалось.

– Так я тоже. Нет, нам взрослых хватит. Скоропостижно скончался – и никто ни хрена не понимает. Поэтому шеф сказал – вдвоем. У меня глаз не замылен, а ты патологически дотош-

на. Может, и углядим что. Не углядим – позовем шефа, пусть сам смотрит.

На самом деле таких разинь, как я, еще поискать. Муж давно не удивляется ключам от дома в холодильнике или соленому чаю. Именно поэтому на работе я пунктуальна до невозможности – знаю, что, если отступаю от правил, непременно забуду что-нибудь существенное.

– Токсикологию на цито послали?

– Естественно. И гистологию тоже по «цито». Только пока результатов нет.

Действительно, чего я тут из себя самую умную строю. Анализ крови на содержание токсических веществ – рутинная процедура. Если, как выразился Вадим, «никто ни хрена не понимает», логично сделать анализ экстренно. Гистология быстро не придет, готовить препарат – не один день, но кое-что тоже посмотреть можно.

– А детские прозекторы что говорят? – Мы вернулись в секционный зал, я начала натягивать перчатки.

– Пока пишут «СВДС». И тоже ждут лабораторию.

Синдром внезапной детской смерти, значит. Когда причины вроде бы нет, а младенец – мертвый. Только обычно его ставят у детей первого года... Похоже, педиатры тоже ничего не понимают.

– Этот, – указал Вадим.

– Хорошо. Поехали.

Через два часа – копались очень дотошно, обычно вскрытие проходит куда быстрее – молча уставились друг на друга. Говорить, в общем, было не о чем.

– Зови шефа. Пусть сам смотрит.

Потому что я окончательно перестала что-либо понимать. Ну, полуатрофичные мышцы коренного горожанина, тяжелее сумки с продуктами ничего не носившего и дальше стоянки не ходившего. Ну, грязные легкие, которыми обычно пугают на плакатах о вреде курения – а на самом деле непременный атрибут все того же городского жителя: автомобильные выхлопы, ТЭЦ и заводы никому на пользу не идут. Атеросклероз, не слишком, впрочем, выраженный. Признаки хронического гастрита. Если

братъ в целом – классический пример того, что нет здоровых, есть недообследованные. Но таких, как этот мужчина, – каждый второй вполне себе живой человек. Так какого ж рожна этот – неживой? Кроме стандартных признаков быстро наступившей смерти ровным счетом не к чему прицепиться.

Шеф выглядел так, что впору было и ему корвалол предлагать.

– Значит, пишем острую коронарную недостаточность, – сказал он, выслушав наше не слишком внятное бурчание. – Предварительно. И ждем, когда препараты будут готовы, может, там что увидим.

– А что, токсикология пришла?

Конкретно этого труп – вряд ли, но он не один такой – вон все столы заняты, очередь ожидающих вскрытия подвинули.

– Пришла. Чисто.

Шеф вздохнул.

– Все суета сует. Все тшета и ловля ветра. У меня коньяк есть. Пойдем, помянем Светочку мою.

– Внучка? – ахнула я. – И у вас?

– И у меня.

Потом вскрыли еще несколько трупов, заключения по которым можно было писать под копирку. В наскоро сделанных гистологических препаратах не нашлось ровным счетом ничего, за что можно бы зацепиться. Разве что легкий отек коры мозга – и то, если сильно придираешься, пытаешься найти хоть какую-то причину. Потом путь пешком через опустевший город – редкие прохожие, битые машины, сошедший с рельсов и влетевший в столб трамвай, оборванные провода на земле. Заплаканная продавщица в малюсеньком магазинчике, где я купила две бутылки водки, сигареты и палку вареной колбасы. Полбутылки я влила в рыдающую Аню – не могла не зайти. Этого хватило, чтобы подруга уснула – много ли надо женщине, которая и раньше почти не пила, а с начала беременности и вовсе стала трезвенницей.

Потом дорога домой – всего-то два квартала, недолго. Подъезд, наполненный разноголосым воем. Я через ступеньку взлетела на наш восьмой этаж, ждать лифт не было сил. Плевать, что воздуха не хватает, быстрее закрыться ото всех. Вздрыгнула, услы-

шав, что из-за соседней двери тоже несется надрывный бабий вой. С соседкой мы не то чтобы дружили: порой стреляли друг у друга соль и спички, порой сплетничали в лифте. Надо бы зайти. Я на миг прислонилась лбом к косяку. Не могу. Вот просто не могу, и все. Позже.

Сбросив обувь, я первым делом рванула к компьютеру. Наушники в моем плеере совершенно не глушат окружающие звуки, а вот для компьютера Ив купил какие-то навороченные, с супер-пупер-звучанием, беспроводные. И – что самое главное – позволяющие совершенно отрешиться от мира. Я забросила всю папку с музыкой в проигрыватель – выбирать тоже не было сил – и пошла на кухню. В Интернет не полезу. Днем выглянула с кафедрального компа. Хватило меня на четверть часа.

Ив задерживается... да, он же предупреждал. Может, и хорошо – на кухне шаром покати. Что бы ни случилось в мире, хоть ядерная война, хоть Армагеддон, но пришедшего с работы мужа нужно накормить. Готовить не хотелось, но на такой случай заправка есть. Я вытряхнула из морозилки двухлитровый контейнер с замороженным бульоном и второй – с заправкой для борща, свалила два ледяных куба в кастрюлю. Дождаться, когда закипит, и супружеский долг на сегодня выполнен.

Пока лед превращался в суп, я уничтожила остатки колбасы. Вот теперь можно и выпить. Ива ждать не буду – непонятно, когда вернется. У них наверняка тоже в больнице веселье через край бьет. Сколько посмертных эпикризов он напишет сегодня? Спрашивать не стану, сам расскажет, когда придет. Или не расскажет. У каждого врача есть кладбище, которое он носит в душе всю жизнь. И никакой цинизм от этого не спасает. Поэтому не-зачем расспрашивать.

Я распахнула окно, уселась на подоконнике с ногами, прислонившись спиной к откосу. Дом кирпичный, наружные стены толстые, удобно. Еще бы на внутренних не сэкономили – не пришлось бы наушники дома надевать. Высоты я не боюсь, выпасть – не выпаду, даже если уплююсь в стельку. А если и выпаду – после сегодняшнего денька уже ничего не страшно. Налила себе водки – эх, надо было колбасу оставить. Вообще-то у нас приличный бар: мужу пациенты постоянно таскают выпивку и конфеты. Что-то,

подороже и повкуснее, он приносит домой. Остальное собирают всем отделением и отдают в буфет, нераспакованное. Там буфетчица берет товар за полцены, чтобы потом продать очередным благодарным пациентам. Только вот беда – водки в баре нет, все больше дорогие коньяки, а в меня из крепких напитков ничего кроме водки не лезет. Полторы бутылки, конечно, много на меня одну, ну да сколько войдет. Теперь аккуратно пристроить стопку рядом с боком и закурить. И станет совсем хорошо. Сколько-то там затяжек – стопка. Почти как ИВА³. Пятнадцать вдохов, три нажатия – так, кажется, учили раньше. Теперь – два на тридцать. Впрочем, какая разница, если все равно толку нет.

*Бреду по воде, а рядом гуляют рыбы.
Влажно блестя портфелями и чешуей.
Рыбы умеют делать карьеру, по крайней мере могли бы.
А такие, как я, занимаются полной фигней.⁴*

И песенка в тему. Плевать, что окно открыто и все слышат, как я горланю. Я просто не могу сидеть одна в пустой квартире и в бесконечный раз перебирать сегодняшнее. Родители живы – я позвонила им еще с работы. И больше ничего хорошего.

*Мимо меня проплывает косяк макрелей.
Хрен бы с ним – плывет себе и плывет.
Тот не достигнет моральной цели,
Кто скажет, что я урод.
Конечно, урод.*

Я раздавила окурков в опустевшей стопке, развернулась, спустив ноги в кухню. И увидела квадратные глаза мужа.

Ну, конечно. У меня нет привычки сидеть на подоконнике, дымить в квартире и надираться в одно горло.

– Есть повод?

– Дверь закрой, – сказала я, слезая с подоконника. – Дым в комнаты пойдет.

3 Искусственная вентиляция легких.

4 «П*ц-блюз», группа «Башня Rowan».

– Да там и так топор вешать можно. – Впрочем, дверь он все-таки прикрыл.

– Голодный?

Глупый вопрос: когда мужчина приползает с работы... ничего себе, десятый час! Словом, когда мужчина приползает с работы черт-те во сколько, причем у него на лице написано, что именно с работы, а не с дружеских посиделок или от бабы, и день был не фонтан, сытым он не бывает. Но ритуалы никогда не отличаются разумностью, а эта фраза давно уже ритуал.

– Голодный.

Я поставила на стол тарелку борща, хлеб и сметану. Вытащила из шкафа вторую стопку и водрузила рядом бутылку с остатками водки. Захочет – выпьет.

Ив замахнул стопку и тут же налил еще. Да, похоже, и у него денек выдался нескудный.

– Сама чего не ешь?

– Только что, – я устроилась напротив. Давненько мы вместе за столом не сидели: завтракаем каждый сам по себе, потому что встаем в разное время, обедаем на работе, если обедаем. Ужинаем опять по отдельности: обычно я подаю ужин и ухажу за компьютер. Семейная идиллия, чтоб ее.

– Так какой повод?

Вот же настырный. Рассказывать долго и не очень-то хочется. Хочется сидеть на подоконнике, смотреть в небо, слушать музыку и курить. И не думать. Вообще. А муж, похоже, хотел пообщаться.

– Сколько к вам сегодня доехало?

– Не считала. Много. А повод... Праздную свое бесплодие.

Интересно, знает ли Ив про тот аборт? Говорить я ему не говорила, но присказка про шило и мешок никогда не перестанет быть актуальной. До сих пор не знаю, как мы тогда прокололись, предохранялись ведь. Статистика, черт бы ее побрал. А когда я поняла, что это не просто задержка, и высчитала срок родов, то почти и не колебалась. Рожать в самый разгар сессии? Может, и есть такие камикадзе, но не я, спасибо. Да и вообще тогда я и о замужестве-то не думала, не то что о ребенке. Конфетно-букетный период наших с Ивом отношений только-только пе-

решил в постельный – и на тебе. Решение в тот момент казалось очевидным. Ивану я ничего не сказала: какой смысл что-то об-суждать, если и отдуваться при любом раскладе мне. Что ничего не проходит бесследно, стало ясно позже: когда мы более-менее встали на ноги и решили родить.

– То есть?

– Если б я смогла забеременеть, сегодня бы мы оплакивали нашего ребенка.

Оказалось, про детей Иван не слышал. Новость эта мужа, по-хоже, окончательно добила. Тут и одних взрослых-то хватит для того, чтобы захотеть напиться и забыться. Так что он приналег на водку, старательно догоняя уже изрядно косую меня.

– Ив, ты клиническую картину видел? У нас женщина умер-ла, из посетителей. Те, кто был рядом, говорят – стояла и просто упала.

– Видел. – Он снова опрокинул стопку, уже не закусывая. – Так и есть. Не было клиники. Зрачки огромные стали – и обмяк-ла.

Я начала скатывать хлебные шарики.

– Зрачки – сам по себе не патогномичный признак. Ги-бель коры.

Он кивнул.

– А по твоей части что?

– Да в том и дело, что ничего. Налей-ка мне тоже...

Какое же завтра будет похмелье... Ну и черт с ним.

Иван потребовал подробное описание этого «ничего», я честно пересказала.

– Если хочешь, поехали, проведу на работу, препараты вме-сте посмотрим.

– Издеваешься? Я сейчас аппендикс от маточной трубы на препарате не отличу, – хмыкнул он. – Узкий специалист подобен флюсу.

Шарики на столе складывались в пирамидку. Этак весь хлеб переведу.

– Маш, а излучение может быть? Отсюда и отек в коре – ми-нимальный, потому что воздействие молниеносное. Вот тебе и никакой клиники. И никаких морфологических проявлений. –

Иван поставил на пол пустую бутылку водки и поднялся к бару. – Коньяк будешь?

– Знаешь же, не люблю. А ты пей, если хочешь...

Он кивнул, вернулся за стол.

– Злобные инопланетяне с излучателями? – Я аккуратно положила на верх пирамидки последний шарик. – Бред сивой кобылы в темную сентябрьскую ночь.

– Инопланетяне – бред, согласен. Как и излучение. Но, с другой стороны, если разумных объяснений нет, остаются неразумные. Излучение хотя бы выглядит логичней, чем вирус с геморрагическими осложнениями.

– Да какой, в пень, вирус? Он даже при молниеносном течении морфологию даст. На препаратах что-то будет видно в зависимости от типа. – Я махнула рукой. – Впрочем, чего азбучные истины пересказывать... Сам знаешь, не маленький.

– Минздраву это скажи.

– Идиоты. Зомбоящик включим? Мне в такой маразм поверить трудно.

Мы перебрались в гостиную: Ив не забыл прихватить недопитый коньяк. Пару минут я разыскивала пульт от телевизора – засунула куда-то месяц назад, когда кино вместе смотрели. Новостные выпуски на всех каналах оказались похожими, точно близнецы: нет причин для паники, слухи о количестве жертв сильно преувеличены, всего лишь новая форма гриппа с тяжелым течением, пейте, дети, корвалол, будете здоровы.

– Спите, жители Багдада, все спокойно, – прокомментировала я выступление министра здравоохранения. – Хотя бы не позорился, дурак, в одну группу элеутерококк с этим, как его... печень какой-то там утки, мешая.

– А они и есть одна группа: препараты с недоказанной эффективностью, – фыркнул Ив, опустошая очередную стопку.

Сколько ж мы вылакали за сегодня?

– Я имела в виду фармакологические группы.

– Ему-то откуда знать? Образования нет.

– Ну что ты. Экономическое, – я воздела указующий перст. – Экономисты – они ведь все знают. И как учить, и как лечить.

И что эта нынешняя ерунда – грипп с геморрагическими осложнениями. Беда, коль пироги начнет печи сапожник...

– А сапоги тачать пирожник, – подхватил муж, выключая телевизор. – Классика. Двести лет прошло, а ничего не изменилось. Две вещи бесконечны: вселенная и человеческая глупость, – Ив пожал плечами. – Убедилась? Вернемся к нашим инопланетянам.

– Это твои инопланетяне.

– Хорошо. Хотя я вообще-то об излучении. Это хоть какое-то объяснение. Иначе придется сказать, что Господь Бог ткнул наугад пальцем и кто-то умер. А кто-то нет.

– Или не Бог.

– Или не Бог, – согласился Ив. – Или не наугад.

– Не знаю, я пока не вижу признаков, позволяющих хоть как-то объединить умерших. Завтра, если время будет, попробую поискать.

– А на форум ваш ты ходила? Может, коллеги что нарыли?

– Нет. – Я поднялась, намереваясь включить компьютер.

– Возьми ноут, неудобно из-за спины заглядывать.

Мы разлеглись на ковре, плечом к плечу, уткнувшись носами в монитор. На форуме судебно-медицинских экспертов тема про сегодняшние события нашлась, понаписать там успели не один десяток страниц. Но содержание их сводилось все к тому же: никто ничего не понимает. Смерти произошли примерно в одно и то же время по всей стране... точнее, по всему земному шару. Если учесть поправку на часовые пояса, выходило, что миллионы людей умерли в один миг.

– Не катит излучение, – сказала я. – Чтобы весь шарик разом накрыло?

– Как раз катит. Только не скользить по поверхности, как солнечный луч, а пройти Землю насквозь. Одномоментно. Звезда там взорвалась или что еще в этом роде.

– Сам-то себе веришь?

– Нет... А на буржуйских сайтах?

В англоязычном Интернете тоже не нашлось ничего нового. Разве что там официальные лица не пытались сделать хорошую мину при плохой игре. Во многих странах объявили чрезвычай-

ное положение. Ведутся исследования, причины происшедшего выясняются. Судя по тому, что больше необъяснимых смертей не произошло, повторения странной «эпидемии» не ожидается. Тем не менее медицинские службы приведены в состояние повышенной готовности, и так далее, и тому подобное. Даже если кто-то и пытался собрать какую-то статистику, информации в свободном доступе не нашлось.

– Глухо, – резюмировал Ив. – Пошли спать, завтра на работу.

– Сейчас, еще ЖЖ гляну.

По-хорошему, надо бы не в Живой Журнал лезть, а друзей обзванивать. Но... Останавливал тот же страх, из-за которого я не зашла к соседке. Хватило увиденного и услышанного на работе. И Ани с Кирюшей. Осознание, что происходящее касается не только каких-то там чужих людей, но и меня лично, оказалось слишком страшно. И профессиональный цинизм не спасал. Да и нет его, пресловутого профессионального цинизма, есть лишь не слишком крепко сработанный щит, прикрывающий душу. От стрел, может, еще согдится, пулю не удержит, а уж бомбу вроде сегодняшней... Алкоголь, конечно, анестетик, но и он не всесилен. Я все-таки потянулась было к мобильному – набрала первый же номер, увидела надпись «сеть перегружена» и, неприлично обрадовавшись, отложила трубку в сторону. Домашний телефон мы давно отключили за ненужностью: в век, когда мобильники есть даже у детей, городская телефонная сеть выглядит сущим атавизмом, а плату требует регулярно. Не судьба, значит, сегодня. Завтра. А пока – френдлента.

Терпеть не могу кальки с английского, предпочитая перевод, но «лента друзей» все же не то. Кто-то и вправду стал другом за несколько лет, кто-то перешел в разряд хороших приятелей, а кто так и остался пикселями на мониторе. Слухи в Сети расходятся мгновенно, куда там пресловутым завалинкам. Может, и мелькнет что-то дельное. Надежда умирает последней.

И в жутких мучениях.

Потому что кроме единичных постов «я живой» и нескольких «в ближайшее время в Сети меня не будет, занимаюсь похо-ронами» разумного в ленте не нашлось. Крики о том, что все это

было предсказано то ли Нострадамусом, то ли Вангой – во мнениях присутствующие не сошлись. Конспирологические идеи разного толка: новый вирус, запущенный злобной военщиной, новый излучатель от нее же, происки жидомасонов, нашедших способ истребить русский народ. Побочный эффект Большого адронного коллайдера. Космическое излучение. Облако космической пыли. Инопланетяне (дочитав до этого места, я начала истерически хохотать), то ли испытывающие новое оружие против землян, то ли таким образом их изучающие. На этом фоне набившие оскомину цитаты из Иоанна Богослова с многострадальной звездой Польша и печатью дьявола, без которой никто не может ни продавать, ни покупать, казались такими знакомыми, что впору прослезиться. А редкие упоминания официальной версии и вовсе выглядели светочем разума.

– Дурдом, – сказала я сама себе и захлопнула крышку ноутбука. – Ив, ты спишь?

– Нет еще.

Муж вернулся в комнату.

– Начиталась?

– Ага. – Я поднялась, потирая поясницу: затекает, когда лежа на животе читаю. – Темна вода во облацех. И хоть бы одна за-раза честно написала: ни черта не понимаю, может, со временем разъяснится.

– Давай, я это напишу. Даже зарегистрируюсь ради такого дела. Ерундой занимаемся: переливаем из пустого в порожнее. – Он по-хозяйски ухватил меня за задницу. – Пошли спать.

– Спать или спать? – поинтересовалась я. Судя по выражению лица, просто упасть и уснуть муж не планировал. Что ж, почему бы и нет?

– Спать. – Ив снова хлопнул по попе и занялся грудью. – И спать. Вперед, на полу неудобно.

Вперед так вперед.

Отмотать бы время назад, в тот миг, когда секс превратился в супружеский долг. Так разве упомнишь? Сперва сами все гробим, потом сами рыдаем. А сейчас можно предсказать все, что случится в следующие полчаса до последнего вздоха. Поцелуй... Одежда... нет, не летит, как когда-то, – сползает на пол. Губы...

грудь, ниже... еще ниже. Теперь моя очередь. Скользнуть губами по животу, вниз, обвести языком головку, забирая в себя, еще и еще, пока ладони мужа не толкнут легонько плечи, отстраняя. Принять, качнуться навстречу, поймать ритм. Вперед-назад, вперед-назад, туда-сюда-обратно, тебе и мне приятно... тьфу, что за чушь в голову лезет. Успею? Не успею. Ив всегда был хорошим любовником, но когда, подходя к пику, начинаешь размышлять о том, что ложиться в постель с гулящим мужчиной примерно так же приятно, как садиться голой задницей на общественный толчок... Вот теперь точно не успею, можно расслабиться и получать удовольствие. Вздрогнул, несколько неровных движений, замер. Все.

– Было?

А если я скажу – нет, что тогда? Будем вымучивать оргазм? Да-есть ор-газм, шай-бу, шай-бу... А пошло оно все. Коньяк, что ли, добить?

– Ага. Мыться пойду.

«Do you believe in life after love»⁵, – крутилось в голове. И чего эта песня привязалась, я же не слушаю Шер?

Холодная ванна под ногами, слишком горячая поначалу струя воды. Надо смешитель менять, что-то плохо стал регулироваться. Может, доделать, что Ив не закончил? Руки есть, душ есть, дел на полминуты. Не буду. Не хочу. Не сегодня.

Я свернулась на дне ванны и расплакалась.

5 Веришь ли ты в жизнь после любви? (англ.)

Купить эту книгу в бумажном или электронном виде
можно в интернет-магазине издательства по адресу

<http://shop.fantaversum.ru/>

Задать вопрос о приобретении
можно по электронной почте

sales@fantaversum.ru